

Висенте Бласко-Ибаньес

Обнаженная

Висенте Бласко-Ибаньес

Обнаженная

«Public Domain»

1911

Бласко-Ибаньес В.

Обнаженная / В. Бласко-Ибаньес — «Public Domain», 1911

«Было одиннадцать часовъ утра, когда Маріано Реновалесъ подошелъ къ музею Прадо. Прошло уже нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ знаменитый художникъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ. Не мертвые привлекали его сюда. Они были, конечно, очень интересны и достойны уваженія подъ славнымъ вѣнцомъ многихъ вѣковъ, но искусство шло теперь по новымъ путямъ; Реновалесъ не могъ учиться здѣсь у мертвыхъ, при освѣщеніи со стекляннаго потолка, глядя на дѣйствительность глазами людей съ инымъ темпераментомъ, чѣмъ у него. Клочекъ моря, уголокъ на склонѣ горы, группа оборванцевъ, выразительная головка привлекали Реновалеса больше, чѣмъ этотъ дворецъ съ широкими лѣстницами, бѣлыми колоннами и статуями изъ бронзы и алебаstra – величественный пантеонъ искусства, гдѣ постоянно переживали муки колебаній молодые художники, находясь въ состояніи самой бесплодной нерѣшимости и не зная, какой путь имъ избрать...»Произведение дается в дореформенном алфавите.

© Бласко-Ибаньес В., 1911

© Public Domain, 1911

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	16
III	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Висенте Бласко Ибаньесъ

Обнаженная

Часть первая

I

Было одиннадцать часовъ утра, когда Маріано Реновалесъ подошелъ къ музею Прадо. Прошло уже нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ знаменитый художникъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ. Не мертвые привлекали его сюда. Они были, конечно, очень интересны и достойны уваженія подъ славнымъ вѣнцомъ многихъ вѣковъ, но искусство шло теперь по новымъ путямъ; Реновалесъ не могъ учиться здѣсь у мертвыхъ, при освѣщеніи со стекляннаго потолка, глядя на дѣйствительность глазами людей съ инымъ темпераментомъ, чѣмъ у него. Клочекъ моря, уголокъ на склонѣ горы, группа оборванцевъ, выразительная головка привлекали Реновалеса больше, чѣмъ этотъ дворецъ съ широкими лѣстницами, бѣлыми колоннами и статуями изъ бронзы и алебаstra – величественный пантеонъ искусства, гдѣ постоянно переживали муки колебаній молодые художники, находясь въ состояніи самой бесплодной нерѣшимости и не зная, какой путь имъ избрать.

Маэстро Реновалесъ остановился на минуту внизу у лѣстницы. Онъ глядѣлъ нѣсколько взволнованно на ведущій ко дворцу спускъ, поросшій свѣжимъ дерномъ и украшенный рѣдкими, тощими деревьями; такъ глядятъ послѣ долгаго отсутствія на родныя мѣста, гдѣ протекла молодость. Надъ этимъ спускомъ высилась древняя готическая церковь де-лосъ-Херонимосъ, выдѣляясь на голубомъ фонѣ неба своими двумя башнями и ветхими аркадами. Зимній пейзажъ парка Ретиро служилъ фономъ для бѣлой массы музея. Реновалесъ вспомнилъ фрески Джіордано, украшавшія внутренность музея. Затѣмъ онъ перевелъ взглядъ на зданіе съ красными стѣнами и каменнымъ входомъ, которое претенціозно замыкало горизонтъ на первомъ планѣ, на краю зеленого откоса. Фу! Академія! Презрительный жестъ художника соединилъ во едино Академію языка со всѣми остальными; живопись, литература и всѣ проявленія мысли были связаны, здѣсь, словно неподвижныя муміи, узами традицій, правилъ и уваженія къ старинѣ.

Налетѣвшій порывъ ледяного вѣтра развѣялъ длинную и слегка посѣдѣвшую бороду художника и чуть не унесъ его большую фетровую шляпу, изъ подъ полей которой торчали прядки волосъ; въ молодости эти волосы были скандальной длины, но по мѣрѣ того, какъ росли слава и богатство маэстро, волосы его постепенно укорачивались подъ напоромъ благопристойности.

Реновалесу стало холодно въ этомъ низкомъ и сыромъ мѣстѣ. День былъ ясный и очень холодный, какихъ бываетъ много зимою въ Мадридѣ. Солнце сіяло, небо было голубое, но съ покрытыхъ снѣгомъ горъ дулъ холодный вѣтеръ, который леденилъ землю, придавая ей хрупкость стекла. Въ тѣнистыхъ углахъ, куда не проникали теплые лучи солнца, блесѣлъ еще утренній иней, словно сахарный покровъ. Воробы, ослабѣвшіе отъ зимнихъ лишеній, попрыгивали по заиндевѣвшему мху, какъ озябшія дѣтки, и отряхивали свои жалкія перышки.

Лѣстница музея напомнила маэстро годы его отрочества. Много разъ поднимался онъ по этимъ ступенямъ, когда ему было шестнадцать лѣтъ, и желудокъ его былъ испорченъ скверными обѣдами у квартирныхъ хозяекъ. Сколько разъ сидѣлъ онъ по утрамъ въ этомъ огромномъ дворцѣ, копируя картины Веласкеса. Эти мѣста вызвали въ его памяти угасшія надежды, цѣлый рой иллюзій, казавшихся ему теперь смѣшными, и тяжелыя воспоминанія о томъ, какъ

онъ голодалъ и унизительно торговался, зарабатывая первыя деньги продажей копій съ извѣстныхъ картинъ. Его широкое, полное лицо съ крупными бровями, при видѣ которыхъ робѣли его ученики и поклонники, озарилось веселою улыбкою. Онъ вспоминалъ, какъ являлся тогда въ музей медленною походкою и не отходилъ ни на шагъ отъ мольберта, боясь, какъ бы окружающіе не замѣтили, что подошвы его отстаютъ отъ сапогъ.

Реновалесъ прошелъ черезъ вестибюль и открылъ первую стеклянную дверь. Стукъ колесъ по аллеѣ Прадо, звонки трамваевъ, глухой скрипъ колесъ, крики ребятишекъ, бѣгавшихъ по склонамъ вокругъ музея, однимъ словомъ, весь шумъ внѣшняго міра сразу прекратился. Реновалесъ открылъ вторую дверь, и лицо его, зазябшее на улицѣ, почувствовало ласку теплой атмосферы, полной необъяснимаго жужжанія тишины. Шаги посѣтителей отдавались здѣсь гулкимъ эхомъ, какъ во всѣхъ крупныхъ необитаемыхъ зданіяхъ. Стукъ захлопывавшейся двери гремѣлъ, словно пушечный ударъ, прокатываясь по заламъ сквозь тяжелыя драпировки. Отдушины, прикрытыя тонкими рѣшетками, выпускали въ залу свое невидимое дыханіе. Входя въ музей, публика инстинктивно понижала голосъ, словно въ соборѣ, и глядѣла съ пугливымъ благоговѣніемъ, какъ будто ей внушали страхъ тысячи картинъ на стѣнахъ и огромныя бюсты, украшавшіе ротонду и середину главнаго зала.

При видѣ Реновалеса два сторожа въ форменныхъ сюртукахъ вскочили на ноги. Они не знали, кто это, но сразу поняли, что это персона. Лицо Реновалеса было знакомо имъ не то по газетамъ, не то по коробкамъ спичекъ, и соединялось въ ихъ умѣ съ большою популярностью и высокими почестями, воздаваемыми лишь выдающимся людямъ. Но они вскорѣ узнали маэстро. Столько лѣтъ не видали его уже въ музеѣ! И держа въ рукахъ шапки съ золотыми галунами, сторожа съ почтительною улыбкою сдѣлали нѣсколько шаговъ навстрѣчу великому художнику. – «Здравствуйте, донъ Маріано. Не угодно ли вамъ что-нибудь, сеньоръ де-Реновалесъ? Не прикажете ли позвать сеньора директора?» – Это была преувеличенная почтительность, что-то похожее на смущеніе придворныхъ, узнавшихъ, несмотря на инкогнито, иностраннаго монарха, который неожиданно входитъ во дворецъ ихъ повелителя.

Реновалесъ отдѣлался отъ нихъ рѣзкимъ движеніемъ. Быстрый взглядъ его скользнулъ по большимъ, декоративнымъ картинамъ ротонды, изображавшимъ войны XVII вѣка: генералы съ торчащими усами, въ шляпахъ съ перьями, командовали на полѣ сраженія коротенькой палочкой, словно дирижировали оркестромъ; отряды мушкетеровъ исчезали со знаменами на склонѣ горы; цѣлыя лѣса копій выглядывали изъ дыма; фонъ картины составляли зеленые луга Фландріи. Эти громкія и бесплодныя сраженія были смертельной агоніей той Испаніи, которая пользовалась міровымъ вліяніемъ. Реновалесъ приподнялъ тяжелую драпировку и вошелъ въ огромный средній залъ. Публика, находившаяся въ концѣ зала, глядѣла при матовомъ и мягкомъ освѣщеніи, словно кукольныя фигурки.

Художникъ шелъ впередъ, еле глядя на картины; онѣ были для него старыми знакомыми, которые не могли сказать ему ровно ничего новаго. Взоръ его скользилъ по публикѣ, не находя въ ней тоже ничего новаго. Казалось, что она составляла необходимую принадлежность музея и не мѣнялась здѣсь уже много лѣтъ. Тутъ были добродушные отцы семейства, объяснявшіе своимъ многочисленнымъ ребятамъ содержаніе картинъ, учительница съ нѣсколькими застѣнчивыми и молчаливыми ученицами, которыя проходили, не глядя, мимо полуобнаженныхъ святыхъ, покоряясь приказу свыше, какой-то господинъ съ двумя священниками, громогласно объяснявшій имъ картины, чтобы показать, что онъ знаетъ въ нихъ толкъ и чувствуетъ себя въ музеѣ, какъ дома, нѣсколько иностранокъ съ поднятой вуалью и съ пальто на рукѣ, перелистывавшихъ каталогъ. У всѣхъ былъ знакомый ему видъ, и всѣ настолько стереотипно выражали свой восторгъ и восхищеніе, что Реновалесу невольно пришла въ голову мысль, не та ли это публика, которую онъ видѣлъ въ послѣдній разъ въ музеѣ.

Проходя по музею, онъ мысленно привѣтствовалъ великихъ маэстро. Съ одной стороны висѣли картины Греко, изображавшія стройныхъ святыхъ, неясныя контуры которыхъ на зеле-

новато-лазоревою фонѣ придавали имъ одухотворенный, неземной видъ, далѣе, морщинистыя и смуглыя головы Рибера съ выраженіемъ ужасныхъ страданій и боли. Реновалесъ восхищался этими выдающимися художниками, но держался твердаго рѣшенія никогда и ни въ чемъ не подражать имъ. Далѣе между шнуромъ передъ картинами, и рядомъ витринъ, бюстовъ и мраморныхъ столиковъ на ножкахъ въ видѣ золоченыхъ львовъ онъ натолкнулся на мольберты нѣсколькихъ художниковъ, копировавшихъ картины Мурильо, Это были все ученики Академіи Художествъ или барышни въ скромныхъ платьяхъ стоптанныхъ башмакахъ и старыхъ шляпкахъ. На полотнѣ передъ ними намѣчались голубые плащи Пресвятой Дѣвы и пухлыя фигурки кудрявыхъ ребятишекъ, игравшихъ съ Божественнымъ Агнцемъ. Эти копіи писались на заказъ для благочестивыхъ людей или имѣли хорошій сбытъ въ монастыри и часовни. Работа вѣковъ, дымъ свѣчей и полумракъ въ святыхъ мѣстахъ заставляли всегда скоро тускнѣть яркія краски этихъ картинъ, и легко можетъ статься, что полные слезъ глаза молящихся увидятъ когда-нибудь, что божественныя фигуры оживутъ таинственною жизнью на черномъ фонѣ картинъ, и люди будутъ молить ихъ о сверхъестественныхъ чудесахъ.

Маэстро направился въ залъ Веласкеса. Тамъ работали его другъ Текли. Реновалесъ явился въ музей съ исключительною цѣлью посмотрѣть копію, которую венгерскій художникъ писалъ съ картины Las Meninas¹.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ, когда Реновалесу доложили въ его роскошной мастерской о приходѣ художника, онъ нѣкоторое время сидѣлъ въ недоумѣніи, глядя на поданную ему визитную карточку. Текли!.. Но вскорѣ онъ вспомнилъ одного пріятеля, съ которымъ часто видѣлся, когда жилъ въ Римѣ двадцать лѣтъ тому назадъ. Этотъ добродушный венгерецъ былъ его искреннимъ поклонникомъ; онъ не обладалъ большимъ талантомъ и замѣнялъ его молчаливымъ упорствомъ въ трудѣ, словно рабочая скотина.

Реновалесъ съ удовольствіемъ увидалъ снова голубые глаза пріятеля подъ рѣдкими, шелковистыми бровями, его выдающуюся въ видѣ лопаты нижнюю челюсть, придававшую ему сходство съ австрійскими монархами, и высокую фигуру, склонившуюся отъ волненія и протягивавшую ему костлявыя руки, длинныя, словно щупальцы.

– О, maestro, caro maestro! – привѣтствовалъ онъ Реновалеса по-итальянски.

Бѣдному Текли пришлось прибѣгнуть къ профессорской карьерѣ, какъ всѣмъ малоталантливымъ художникамъ, у которыхъ нѣтъ силъ заниматься чистымъ искусствомъ. Реновалесъ увидалъ чиновника – артиста въ темномъ, строгомъ сюртукѣ безъ единой пылинки; достойный взглядъ его устремлялся изрѣдка на блестящіе сапоги, въ которыхъ отражалась, казалось, вся мастерская. Въ петлицѣ его красовалась даже разноцвѣтная розетка какого-то ордена. Одна только фетровая бѣлоснѣжная шляпа не гармонировала со строгимъ видомъ государственнаго чиновника. Реновалесъ съ искреннею радостью схватилъ протянутыя руки. Такъ это знаменитый Текли! Какъ онъ радъ повидать стараго пріятеля! Какъ чудно имъ жилось въ Римѣ!.. И Реновалесъ сталъ слушать съ добродушною улыбкою превосходства разсказъ о его жизненныхъ успѣхахъ. Текли былъ профессоромъ въ Будапештѣ и постоянно копилъ деньги, чтобы поѣхать учиться въ какой-нибудь знаменитый музей Европы. Въ концѣ концовъ долготлѣнія мечты его увѣнчались успѣхомъ, и ему удалось пріѣхать въ Испанію.

– О, Веласкесъ! Какой это великій художникъ, дорогой Маріано!

И откидывая назадъ голову, Текли закатывалъ глаза кверху и чмокалъ съ наслажденіемъ губами, словно потягивалъ стаканчикъ сладкаго токайскаго вина своей родины.

Онъ жилъ уже цѣлый мѣсяцъ въ Мадридѣ, работая каждое утро въ музеѣ. Копія его съ Las Meninas была почти окончена. Онъ не ходилъ раньше къ дорогому Маріано, потому что хотѣлъ сразу показать ему свою работу.

¹ Las Meninas (Придворныя дамы) – одна изъ лучшихъ картинъ Веласкеса.

Не придет ли Мариано как-нибудь утром к нему в Прадо? Старый товарищ, наверняка, не откажет ему в этом доказательстве своей дружбы... Реновалес попробовал было отказываться. Что ему за дело до какой-то копии? Но в маленьких глазках венгерца свѣтилась такая робкая мольба, и он осыпал великого маэстро такими похвалами, рассказывая подробно об огромном успѣхѣ, который имѣла картина Реновалеса Человѣкъ за бортом! на послѣдней выставкѣ в Будапештѣ, что тот обѣщал навѣстить пріятеля в музей.

И через нѣсколько дней утром, когда одинъ господинъ, съ котораго онъ писалъ портретъ, не могъ явиться на обычный сеанс, Реновалес вспомнил данное Текли обѣщаніе и отправился в Прадо. Когда онъ вошелъ в музей, имъ овладѣло чувство какой-то подавленности и тоски по былымъ годамъ, словно у бывшего студента, который приходитъ в университетъ, гдѣ протекла его молодость.

Очувившись в залѣ Веласкеса, онъ почувствовалъ приступъ религіознаго благоговѣнія. Передъ нимъ былъ художникъ в истинномъ смыслѣ слова. Всѣ непочтительныя теоріи Реновалеса о мертвыхъ остались за дверью залы. Отъ картинъ Веласкеса, которыхъ онъ не видалъ уже нѣсколько лѣтъ, снова повѣяло свѣжимъ, сильнымъ, неотразимымъ обаяніемъ, вызвавшимъ у него угрызенія совѣсти. Онъ долгое время стоялъ неподвижно, переводя глаза съ одной стороны на другую, словно желая охватить сразу все творчество безсмертнаго художника, а вокругъ маэстро начинался уже шопотъ любопытныхъ:

– Реновалесъ! Реновалесъ здѣсь!

Вѣсть эта распространилась отъ входныхъ дверей по всему музею и прослѣдовала за художникомъ до зала Веласкеса. Группы любопытныхъ отрывались отъ картинъ и глазѣли на этого рослаго, погруженнаго в свои думы человѣка, который, повидимому, не отдавалъ себѣ отчета в вызываемомъ его появленіемъ любопытствѣ. Дамы переходили отъ одной картины къ другой и слѣдили однимъ глазкомъ за знаменитымъ маэстро, портретъ котораго онѣ видали много разъ. Не вѣрилось какъ-то, чтобы этотъ крупный дѣтина былъ талантливымъ художникомъ и такъ хорошо писалъ дамскіе портреты. Нѣсколько молодыхъ людей подошли къ нему почти вплотную, чтобы поглядѣть на великаго человѣка вблизи, и дѣлали видъ, что рассматриваютъ тѣ же картины, что онъ. Они изучали его внѣшность во всѣхъ подробностяхъ подъ вліяніемъ ученической страсти подражать великимъ маэстро во всемъ. Одинъ изъ нихъ рѣшилъ завязывать галстухъ и отпустить длинные волосы, какъ у Реновалеса, лстя себя тщетною надеждою, что это разовьетъ его способности къ живописи. Другіе досадовали мысленно на отсутствіе на ихъ лицѣ растительности и не возможность отпустить себѣ сѣдую и кудрявую бороду, какъ у знаменитаго маэстро.

Реновалесъ скоро замѣтилъ окружавшую его среду любопытства. Молодые художники, копировавшіе картины, ниже склонились надъ мольбертами, хмурясь и водя кистью медленно и неувѣренно, такъ какъ позади нихъ проходилъ великій маэстро. Новые, приближающіеся шаги заставляли ихъ каждый разъ вздрагивать отъ страха и горячаго желанія, чтобы онъ бросилъ взглядъ на ихъ работу. Реновалесъ догадывался съ нѣкоторымъ чувствомъ гордости о томъ, что шептали эти губы, что говорили эти глаза, то разсѣянно поглядывавшіе на полотно, то внимательно устремлявшіеся на него.

– Это Реновалесъ... Художникъ Реновалесъ.

Маэстро долго глядѣлъ на самаго стараго изъ копировщиковъ; это былъ дряхлый и почти слѣпой старикъ съ большими выпуклыми очками, придававшими ему видъ морского чудовища; руки его дрожали отъ старости. Реновалесъ зналъ этого человѣка. Онъ видалъ его двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда самъ еще учился в музей; копировщикъ сидѣлъ и тогда на этомъ мѣстѣ и писалъ неизмѣнно копию съ картины Веласкеса Los Borrachos². Если-бы даже онъ ослѣпъ окончательно или картина исчезла, онъ смогъ бы нарисовать ее осязательно. Рено-

² Los Borrachos – пьяные. Примѣч. перев.

валесь часто разговаривалъ съ нимъ въ тѣ давнія времена, но бѣдняга, конечно, не имѣлъ теперь ни малѣйшаго понятія о томъ, что знаменитый Реновалесь, слава котораго гремѣла на весь міръ, былъ тѣмъ самымъ молодымъ человѣкомъ, который не разъ просилъ въ тѣ отдаленныя времена одолжить ему кисть; воспоминаніе объ этомъ молодомъ человѣкѣ даже едва ли сохранилось въ его памяти, окаменѣвшей отъ неподвижности. Реновалесу невольно пришла въ голову мысль о несравненной добротѣ дороднаго Бахуса и его пьяныхъ придворныхъ; эти важныя персоны на картинѣ Веласкеса давали средства къ жизни бѣдному копировальщику, а можетъ-быть и его семьѣ – старой подругѣ жизни, женатымъ дѣтямъ, и внукамъ, которыхъ старикъ содержалъ трудомъ своихъ дрожащихъ рукъ.

Кто-то шепнулъ ему на ухо вѣсть, волновавшую весь музей, и, пожавъ плечами съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, бѣдняга оторвалъ отъ раобы свое изможденное лицо.

Значить, Реновалесь здѣсь, знаменитый Реновалесь! Ну, что же, посмотримъ наконецъ эту знаменитость, это чудо!

И онъ устремилъ на маэстро огромные, словно у чудовищной рыбы, глаза, въ которыхъ сверкалъ за большими очками огонекъ ироніи. «Форсунъ!» Ему приходилось не разъ слышать о роскошной мастерской въ чудномъ дворцѣ, который выстроилъ себѣ Реновалесь позади парка Ретиро. Всѣ эти богатства были отняты Реновалесомъ, по мнѣнію старика, у такихъ бѣдняковъ, какъ онъ, лишенныхъ протекціи и отставшихъ отъ удачниковъ на жизненномъ пути. Реновалесь бралъ за картину по нѣскольکو тысячъ дуросовъ, тогда какъ Веласкесъ работалъ за три песеты въ день, а Гойа писалъ портреты за пару onzas³. Все это было сплошнымъ враньемъ. Модернизмъ былъ въ глазахъ старика лишь дерзкимъ порывомъ молодежи, для которой нѣтъ ничего святого, и проявленіемъ полного невѣжества въ искусствѣ со стороны разныхъ дураковъ, вѣрящихъ газетнымъ толкамъ. Единственное, что было хорошаго въ искусствѣ, находилось здѣсь въ музеѣ. И старикъ снова презрительно пожалъ плечами; ироническій огонекъ въ его глазахъ потухъ, и онъ опять сосредоточилъ все свое вниманіе на тысячной копіи съ Los Borrachos.

Видя, что любопытство вокругъ него затихаетъ, Реновалесь вошелъ въ малый залъ, гдѣ находилась картина Las Meninas. У этой знаменитой картины, занимавшей всю заднюю стѣну зала, сидѣлъ передъ мольбертомъ Текли; бѣлая шляпа его была сдвинута на затылокъ, чтобы дать полную свободу пульсаціи на лбу, нахмуренномъ отъ упорнаго напряженія.

При видѣ Реновалеса онъ поспѣшно всталъ и положилъ палитру на кусокъ клеенки, защищавшій паркетъ отъ пятенъ краски. Дорогой маэстро! Какъ благодаренъ онъ ему за приходъ!.. И Текли показалъ ему свою копію; она отличалась точностью во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, но чудной жизненности и реальности оригинала въ ней не было совершенно. Реновалесь одобрительно покачалъ головою, удивляясь терпѣливому и упорному труду этой кроткой, рабочей скотины, которая бороздила почву всегда одинаково ровно, съ геометрическою точностью, но безъ малѣйшаго намека на оригинальность.

– Тебѣ нравится? – съ тревогою спрашивалъ Текли по-итальянски, заглядывая Реновалесу въ глаза и стараясь отгадать его мысли. – Неправда-ли? Неправда-ли? – спрашивалъ онъ съ неувѣренностью ребенка, который предчувствуетъ обманъ.

Но успокоенный внѣшнимъ одобреніемъ Реновалеса, который искусственно преувеличивалъ его, чтобы скрыть свое равнодушіе, венгерецъ схватилъ маэстро за обѣ руки и прижалъ ихъ къ своей груди.

– Я радъ, маэстро... Я очень радъ.

Онъ не отпускалъ теперь Реновалеса отъ себя. Разъ знаменитый художникъ великодушно согласился посмотреть его копію, онъ не могъ отпустить его такъ легко. Они должны были непременно позавтракать вмѣстѣ въ отелѣ, гдѣ жилъ Текли, распить бутылочку Chianti въ

³ Onza – золотая монета въ 80 песетъ. Прим. перев.

память совместной жизни в Риме и поговорить о веселой божественной молодости и о товарищах разных национальностей, которые собирались в кафе Греко; одни из них умерли уже, а остальные разбросались по Европе и Америке; меньшинство достигло знаменитости, а большинство прозябало на родине в школах живописи, мечтая создать великую картину, которую обыкновенно опережала смерть.

Реновалес уступил в конце концов настойчивым просьбам венгерца, который пожимал ему руки с драматическим видом, как будто отказ маэстро мог убить его. Ладно, выпьем Chianti и позавтракаем вместе! А пока Текли кончает свою работу на этот день, он, Реновалес, пройдет по музею и освежит в памяти старые воспоминания.

Когда Реновалес вернулся в зал Веласкеса, публики в нем уже не было. Одни копировщики сидели, склонившись над полотном. Реновалес снова почувствовал обаяние великого маэстро. Картины привели его в восторг, но глубокая грусть, которую вызвало от всего творчества Веласкеса, не ускользнула от глаз художника. Несчастный дон Диего! Он родился в самый печальный период нашей истории. Его здравый реализм должен был обезсмертить человеческие формы во всей их прекрасной наготы, а судьба забросила его в такой век, когда женщины были похожи на черепах, и грудь их была скрыта под двойною броней пышных косынок, а мужчины держались чопорно, словно священнослужители, и их смуглые и скверно вымытые головы гордо смотрели над мрачным нарядом. Веласкес писал свои картины с того, что видел: в глазах этого мира отражались страх и лицемерие. Искусственная веселость умирающей нации, которая ищет развлечений в чудовищном и негармоничном, выражалась в увеселительных донах Диего шутах, сумасшедших и калёках. Это всех этих чудных произведений, внушавших одновременно восторг и грусть, вызвало ипохондрией физически-больной монархии с душою, связанною страхом и ужасом перед муками ада. Как жаль, что великий художественный талант ушел на увеселение периода, который погрузился бы без Веласкеса в глубокое забвение!

Реновалес думал о нем и как о человеке; сравнение скромной жизни великого художника с княжеским существованием современных маэстро вызвало у него угрызения совести. О, щедрость королей и покровительство их искусству, о которых многие говорят с таким восторгом, оглядываясь на былые века! Реновалес думал о флегматичном доне Диего и его жалованье в три песеты, которое тот получал всегда с задержкой в качестве придворного художника, о его славном имени, фигурировавшем в списках придворного персонала среди шутов и парикмахеров, о звании королевского слуги, которое заставляло его заниматься экспертизой строительных материалов ради хотя бы частичного улучшения своего положения, об ужасных унижениях в последние годы его жизни, когда он добивался ордена Святого Иакова и отрицал перед Советом Орденов, что он получает деньги за свои картины, словно это было преступлением, утверждая с подобострастной гордостью, что он слуга короля, как будто эта должность была выше звания художника... Как счастливо живет сравнительно с этим в наши времена! Да будет благословенна революция в современной жизни, облагородившая художника и поставившая его под покровительство публики – безличного властелина, который предоставляет создателю красоты полную свободу и следует за ним в конце концов по новым путям! Реновалес поднялся в центральную галерею, чтобы взглянуть на другой предмет своего восхищения. Картины Гойи заполняли большое пространство на обеих стенах галереи. С одной стороны висели портреты королей бургундской династии из периода упадка ее; тут были головы монархов и принцев крови под тяжелыми брылями париками и портреты женщин с пронизывающим взглядом, безкровными лицами и прическами в виде башен. Жизнь обоих великих художников – Гойи и Веласкеса совпала с нравственным упадком двух династий. Зал великого Диего был полон стройных, костлявых блондинов, с монастырски-изящною внешностью и болезненно бледностью, с выступающею нижней челюстью и выражением страха и сомнения

за спасеніе своихъ душъ. Здѣсь въ галлерей красовались портреты тучныхъ и заплывшихъ жиромъ монарховъ съ огромными вытянутыми носами, которые, казалось, были связаны таинственнымъ образомъ съ мозгомъ и тянули его внизъ, парализуя его работу; толстыя нижнія губы ихъ некрасиво отвисали, свидѣтельствуя о чувственномъ темпераментѣ и бездѣятельномъ образѣ жизни; глаза свѣтились животнымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ ко всему, что не затрагивало непосредственно узкаго эгоизма. Монархи австрійской династіи, нервныя, одержимые лихорадкой безумія, ищущіе чего-то, скакали на театральныхъ коняхъ, на фонѣ мрачныхъ пейзажей, замыкавшихся на горизонтѣ снѣжными вершинами Гуадаррамы, печальными, холодными и неподвижными, какъ душа испанскаго народа. Бурбоны, спокойныя и жирныя, стояли съ сытымъ видомъ, думая лишь о предстоящей охотѣ или о домашнихъ интригахъ, которыя приводятъ къ ссорамъ и сварамъ въ семьѣ, и не замѣчая бурь, свирѣпствующихъ за Пиринеями. Первые были окружены міромъ идіотовъ съ животными лицами, мрачныхъ крючкотворовъ и инфантъ въ пышныхъ нарядахъ съ ребяческими фізіономіями, словно у фигуръ Богородицы на алтарѣ. Вторые находились въ веселомъ и славномъ обществѣ народа, одѣтаго въ яркіе цвѣта – въ красныя суконныя плащи и кружевныя мантильи; волосы женщинъ сдерживались красивыми гребенками, головы мужчинъ были покрыты шапками; въ грубыхъ развлеченияхъ и пирушкахъ развивался и созрѣвалъ героизмъ этого народа. Вторженіе чужестранцевъ расшевелило испанскій народъ и заставило его выйти изъ періода дѣтства. Тотъ самый великій художникъ, который изображалъ въ теченіе многихъ лѣтъ невинно безсознательную жизнь щегольского народа, веселаго и наряднаго, словно хоръ въ опереткѣ, писалъ его впослѣдствіи съ навахами въ рукахъ, атакующимъ съ иеобычайною ловкостью дикихъ мамелюковъ, растаптывающимъ этихъ египетскихъ центавровъ, закоснѣвшихъ въ сотнѣ сраженій, умирающимъ съ театральною гордостью при тускломъ свѣтѣ фонаря въ мрачныхъ стѣнахъ Монклоа подъ ружейнымъ огнемъ палачей – завоевателей.

Реновалесъ не могъ оторвать глазъ отъ трагическаго духа, которымъ вѣяло отъ послѣдней картины. Лица палачей, прижатые къ прикладамъ ружей не были видны; солдаты были слѣпыми исполнителями судьбы, безымянною силою. А противъ нихъ возвышалась груда окровавленныхъ и бьющихся въ агоніи человѣческихъ тѣлъ. Въ тѣлахъ мертвыхъ виднѣлись красныя дырки, окруженныя кусками мяса, вырваннаго пулями; живые стояли, скрестивъ руки на груди и бросая убійцамъ вызовъ на языкѣ, котораго тѣ не могли понять, или покрывъ лицо руками, какъ-будто это инстинктивное движеніе могло предохранить ихъ отъ пуль. Цѣлый народъ умиралъ здѣсь, чтобы возродиться вновь. А рядомъ съ этою ужасною и геройскою картиною скакалъ на другой сосѣдней картинѣ Палафоксъ Сарагосскій съ изящными бакенбардами и заливчатскимъ видомъ, въ формѣ генераль капитана; онъ напоминалъ чѣмъ-то народнаго вожака; одна его рука была въ перчаткѣ и держала кривую саблю, другая сжимала поводья маленькой, пузатой лошади.

Реновалесу пришло въ голову, что искусство, подобно свѣту, принимаетъ окраску и блескъ тѣхъ предметовъ, съ которыми соприкасается. Жизнь Гойи пришлась въ бурный періодъ исторіи; на глазахъ у него воскресла душа испанскаго народа, и творчество его отразило воинственную жизнь и геройскій подъемъ духа, которыхъ тщетно было искать въ картинахъ другого генія, связаннаго съ однообразіемъ придворной жизни, не знающей иного нарушенія кромѣ вѣстей о далекихъ войнахъ и бесполезныхъ и позднихъ побѣдахъ, которыя вызывали на родинѣ не восторгъ, а скорѣе лишь холодныя сомнѣнія.

Реновалесъ повернулъ спину дамамъ Гойи съ прелестными губками, напоминающими розовыя бутоны, съ прическами въ видѣ чалмы и въ платьяхъ изъ бѣлаго батиста. Все его вниманіе сосредоточилось на одной обнаженной фигурѣ, которая, казалось, затмевала блескомъ своего тѣла всѣ ближайшія картины. Художникъ долго глядѣлъ на нее вблизи, опершись на перила и почти касаясь полотна полями своей шляпы. Затѣмъ онъ медленно отступилъ назадъ, не спуская съ нея взгляда, и опустился на скамью противъ картины.

– Обнаженная Гойи! Обнаженная!

Онъ говорилъ вслухъ, самъ того не замѣчая, какъ будто слова его были выразителями бурнаго потока мыслей, нахлынувшихъ въ его голову; выраженія его восторга непрерывно мѣнялись въ зависимости отъ характера воспоминаній.

Художникъ съ наслажденіемъ глядѣлъ на это обнаженное тѣло, граціозно-хрупкое и блестящее, словно внутри его горѣло пламя жизни подъ перламутровою оболочкою. Крѣпкія груди, напоминающія выпуклостью чудныя магноліи, завершались блѣдно-розовыми, закрытыми бутонами. Легкая, еле замѣтная тѣнь затмевала половую тайну. Свѣтъ бросалъ блестящія пятна на круглыя, нѣжныя колѣни, а отъ нихъ шла опять легкая тѣнь къ маленькимъ, розовымъ, дѣтскимъ ногамъ съ изящными пальцами.

Это была маленькая, граціозная и пикантная женщина, испанская Венера; въ ней было какъ разъ столько полноты, сколько требовалось для покрытія мягкими округлостями стройной и изящной фигурки. Блестящіе глаза съ задорнымъ огонькомъ не гармонировали съ неподвижностью взгляда; на граціозныхъ губкахъ играла еле замѣтная, но вѣчная улыбка; на щекахъ, локтяхъ и ступняхъ ногъ розовый тонъ былъ прозраченъ и влажно-блестящъ, какъ у раковинъ, открывающихъ свои чудно-окрашенныя внутренности въ таинственныхъ глубинахъ моря.

– Обнаженная Гойи! Обнаженная!

Реновалесь пересталъ повторять эти слова вслухъ, но его мысли и взглядъ не отрывались отъ картины, и отражались въ улыбкѣ на его губахъ.

Онъ не былъ теперь одинъ. Время отъ времени между нимъ и картиною проходили взадъ и впередъ группы громко разговаривавшихъ любопытныхъ. Деревянный полъ дрожалъ подъ тяжелыми шагами. Былъ полдень, и каменщики съ сосѣднихъ построекъ воспользовались часомъ отдыха, чтобы заглянуть въ эти залы, словно это былъ новый міръ, съ наслажденіемъ вдыхая теплый, нагрѣтый воздухъ. Они оставляли на полу слѣды известки, подзывали другъ друга, чтобы подѣлиться впечатлѣніями передъ какою-нибудь картиною, выказывали большое нетерпѣніе въ желаніи охватить глазами сразу весь музей, восторгались воинами въ блестящемъ вооруженіи или сложной военной формой прежнихъ временъ на картинахъ. Тѣ изъ каменщиковъ, которые были поживѣе, служили своимъ товарищамъ проводниками и нетерпѣливо гнали ихъ дальше. Вѣдь, были-же они здѣсь наканунѣ! Скорѣе впередъ! Имъ еще много оставалось посмотреть. И они бѣжали по направленію къ внутреннимъ заламъ, волнуясь отъ любопытства, какъ люди, которые только что ступили на новую землю и ждутъ, что передъ ними появится вдругъ что-нибудь особенное.

Среди этого галопирующаго простодушнаго восторга проходили также группы дамъ – испанокъ. Всѣ онѣ относились одинаково къ картинамъ Гойи, словно выслушали предварительно одинъ и тотъ же урокъ. Онѣ переходили отъ картины къ картинѣ, разсуждая о модахъ прежнихъ временъ и нѣсколько завидуя даже дамамъ въ пышныхъ юбкахъ, широкихъ мантильяхъ и высокихъ прическахъ. Но лица ихъ вскорѣ принимали серьезное выраженіе; онѣ презрительно сжимали губы и быстрыми шагами удалялись въ глубь галлерей. Инстинктъ во время предупреждалъ ихъ объ опасности. Ихъ безпокойные глаза еще издали больно и непріятно поражались наготою на полотнѣ; онѣ чуяли присутствіе знаменитой красавицы, еще не видя ея, и проходили мимо картины, не оборачиваясь, со строгимъ и чопорнымъ видомъ – точно на улицѣ, когда пристають нахалы – не желая видѣть сосѣднихъ картинъ и не останавливаясь до сосѣдней залы Мурильо.

Это была ненависть къ красотѣ, вѣковое христіанское отвращеніе къ Природѣ и истинѣ, протестовавшія инстинктивно противъ того, что подобныя гадости терпятся въ общественномъ зданіи, населенномъ святыми, королями и аскетами.

Реновалесь обожалъ эту картину и относился къ ней восторженно-благоговѣйно, отводя ей совсѣмъ особое мѣсто въ художественномъ творествѣ. Это было первое проявленіе искус-

ства, освободившагося отъ предразсудковъ нашей исторіи. Три вѣка живописи и нѣсколько поколѣній славныхъ именъ, отличавшихся необычайною плодovitостью, не дали до Гойи испанскаго художника, который посмѣлъ-бы нанести на полотно формы женскаго тѣла и божественную наготу, бывшую у всѣхъ народовъ первою вдохновительницею зарождающагося искусства! Реновалесь вспомнилъ другую обнаженную женскую фигуру – Венеру Веласкеса, хранящуюся въ чужой странѣ. Но эта картина не была плодомъ непосредственнаго вдохновленія; она была написана по заказу монарха, который щедро платилъ иностранцамъ за изображеніе наготы и пожелалъ имѣть подобную же картину кисти своего придворнаго художника.

Религіозная нетерпимость дѣйствовала на искусство подавляющимъ образомъ втеченіе долгихъ вѣковъ. Человѣческая красота отпугивала великихъ художниковъ, писавшихъ людей съ крестомъ на груди и четками на шпагѣ. Тѣла человѣческія скрывались подъ тяжелыми складками грубыхъ рясъ или неуклюжими придворными кринолинами, и художники не смѣли отгадывать, что находится подъ ними, глядя на модели, какъ вѣрующіе люди смотрятъ на пышный плащъ Богородицы, не зная, что подъ нимъ – тѣло или три палки, поддерживающія голову. Радости жизни считались грѣхомъ, нагота, Божье твореніе, отвращеніемъ. Напрасно сіяло надъ испанскою землею болѣе прекрасное, чѣмъ въ Венеціи, солнце; тщетно преломлялись лучи свѣта на испанской землѣ съ болѣе яркимъ блескомъ, чѣмъ во Фландріи, испанское искусство отличалось мрачностью, сухостью и строгимъ духомъ, даже послѣ знакомства съ творчествомъ Тиціана. Возрожденіе, поклонявшееся во всѣхъ остальныхъ странахъ человѣческой наготѣ, какъ вѣнцу творенія, покрывалось въ Испаніи рясою монаха или лохмотьями нищаго. Залитые свѣтомъ пейзажи становились темными и мрачными при переходѣ на полотно; страна солнца изображалась въ живописи съ сѣрымъ небомъ и зловѣще-зеленою землею; головы пріобрѣтали монастырскую угрюмость. Художникъ переносилъ на картины не то, что его окружало, а то, что было внутри его – часть своей души; а душа его была окована страхомъ передъ опасностями земной жизни и передъ муками загробной, она была черна и печальна, словно выпачкана сажей костровъ Инквизиціи.

Эта нагая женщина съ кудрявой головой на скрещенныхъ и закинутыхъ назадъ рукахъ, подъ которыми виднѣлся, ничуть не нарушая ея безмятежнаго спокойствія, легкій пушокъ, знаменовала собою пробужденіе искусства, жившаго до тѣхъ поръ особою жизнью. Легкое тѣло, покоившееся на зеленомъ диванѣ и подушкахъ съ тонкими кружевами, собиралось, казалось, подняться въ воздухъ въ мощномъ порывѣ воскресенія.

Реновалесь думалъ объ обоихъ маэстро, одинаково великихъ и въ то же время столь разныхъ. Одинъ изъ нихъ отличался внушительнымъ величіемъ знаменитыхъ памятниковъ; онъ былъ величаво-спокоенъ, корректенъ, холоденъ, наполнялъ горизонтъ исторіи своею колоссальною громадою и старился со славою, не давая съ теченіемъ вѣковъ ни одной трещины въ своихъ мраморныхъ стѣнахъ. Со всѣхъ сторонъ у него былъ одинъ фасадъ, благородный, строгій, спокойный, безъ всякихъ фантастическихъ украшеній. Это былъ воплощенный разумъ, основательный, уравновѣшенный, не знающій порывовъ восторга или упадка духа, торопливости или лихорадки. Другой художникъ былъ великъ, какъ гора, и полонъ извилистыхъ неровностей, соотвѣтственныхъ причудливому безпорядку въ Природѣ. Тутъ было все: съ одной стороны крутая, голыя скалы, далѣе долина, поросшая цвѣтущимъ кустарникомъ, внизу благоухающій садъ, населенный птицами, на вершинѣ горъ вѣнецъ грозowychъ тучъ, извергающихъ громъ и молнію. Это было воплощенное воображеніе, которое бѣшено мчится впередъ, то пріостанавливаясь, то снова пускаясь далѣе, причемъ голова его теряется въ безпредѣльной дали, а ноги не отдѣляются отъ земли.

Жизнь дона Діего заключалась въ трехъ словахъ. «Онъ былъ художникомъ». Это была вся его біографія. Никогда во время путешествій по Испаніи и Италіи не побуждало его любопытство видѣть что либо иное кромѣ картинъ. При дворѣ короля-поэта онъ прозябалъ среди маскарадовъ и торжествъ, спокойный, какъ монахъ, стоя всегда передъ полотномъ и моделью,

сегодня передъ шутомъ, завтра передъ маленькою инфантою, стремясь лишь къ тому, чтобы подняться въ чинъ среди слугъ короля и получить право нашить красный крестъ на жилетъ. Это была возвышенная душа, заключенная въ флегматичномъ тѣлѣ, никогда не мучившемъ его нервными желаніями и не нарушавшемъ его спокойнаго труда вспышками страсти. Когда онъ умеръ, на слѣдующей же недѣлѣ умерла его супруга, добрая донья Хуана; они, повидимому, не могли жить другъ безъ друга послѣ мирнаго и долгаго совмѣстнаго существованія, не отличавшагося никакими приключеніями.

Гойа же «пожилъ». Онъ пожилъ, какъ художникъ и грансеньоръ: его существованіе было интереснымъ романомъ, полнымъ любовныхъ исторій. Раздвигая драпировки его мастерской, ученики видали шелковыя юбки королевы на колѣняхъ маэстро. Красавицы-герцогини того времени просили на перерывъ, чтобы крѣпкій мужественно-галантный арагонецъ намалевалъ имъ румянецъ на щекахъ, смѣясь, какъ сумасшедшій отъ этихъ шалостей интимнаго характера. Любуясь торжественнымъ обнаженнымъ тѣломъ на растрепанной постели, Гойа переносилъ эти формы на полотно въ силу неудержимой потребности воспроизводить въ живописи красоту, и легенда, создавшаяся вокругъ испанскаго художника, соединяла его славное имя съ именами всѣхъ увѣковѣченныхъ его кистью красавицъ.

Писать, не зная ни страха, ни предразсудковъ, увлекаться работою, перенося на полотно сочную наготу и влажную, янтарную прозрачность женскаго тѣла съ розовыми переливами, словно у морскихъ раковинъ, было заповѣднымъ желаніемъ Реновалеса. Онъ мечталъ жить, какъ знаменитый донъ Франсиско Гойа, какъ свободныя птицы съ блестящими перьями, среди однообразія человѣческой жизни, и отличаться своими страстями, вкусами и свободными взглядами отъ большинства людей, какъ онъ отличался отъ нихъ оцѣнкою жизни.

Но увы! Жизнь его была похожа на жизнь дона Діего; она была ровна, однообразна, вытянута по стрункѣ. Онъ писалъ, но не жилъ. Его картины пользовались большимъ успѣхомъ за точность въ передачѣ природы, за яркость красокъ, за прозрачность воздуха и внѣшнія формы вещей, но чего-то все-таки не хватало ему; это что-то шевелилось внутри него, и онъ тщетно пытался вырваться изъ вульгарныхъ рамокъ обыденной жизни.

Воспоминаніе о романтической жизни Гойи напомнило ему о его собственной. Его называли маэстро; у него покупали за хорошую цѣну все, что онъ писалъ, особенно, если это соотвѣтствовало чужому вкусу и противорѣчило его художественной волѣ; онъ наслаждался спокойнымъ и очень удобнымъ существованіемъ; дома въ роскошномъ дворцѣ, снимокъ съ котораго былъ помѣщенъ въ нѣсколькихъ иллюстрированныхъ журналахъ, у него была жена, вѣрившая въ его геніальность, и почти взрослая дочь, при видѣ которой смущались и волновались всѣ его ближайшіе ученики. Отъ прошлой богемы оставались у него лишь мягкія фетровыя шляпы, длинная борода, взъерошенные волосы и нѣсколько небрежное отношеніе къ своей внѣшности; но когда положеніе національной знаменитости требовало отъ него болѣе тщательнаго туалета, онъ вынималъ изъ шкапа фракъ съ кучей орденовъ въ петлицѣ и появлялся на официальныхъ торжествахъ съ весьма представительною внѣшностью. Много тысячъ дуро хранилось у него въ банкѣ. Онъ принималъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ дома, въ мастерской, съ палитрою въ рукѣ, обсуждая съ нимъ, какія бумаги купить на годовой заработокъ. Имя маэстро не вызывало ни удивленія, ни отвращенія въ высшемъ обществѣ, гдѣ было въ модѣ заказывать ему дамскіе портреты.

Въ прежнія времена онъ вызывалъ протесты и скандальные толки своими дерзкими красками и революционнымъ отношеніемъ къ Природѣ, но имя его вовсе не было запятнано посягательствомъ на правила приличія, которыя необходимо соблюдать съ публикою. Женщины, которыхъ онъ писалъ, были простыми крестьянками, отвратительными деревенскими красавицами; на его картинахъ не появлялись инныя обнаженныя тѣла кромѣ потныхъ тѣлъ рабочаго люда или пухлыхъ дѣтскихъ фигурокъ. Онъ былъ почтеннымъ маэстро, который культивиро-

валъ свой выдающійся талантъ съ такимъ же спокойствіемъ, съ какимъ торговые люди занимаются своими дѣлами.

Чего-же не хватало ему?... Увы!.. Реновалесь иронически улыбался. Вся его жизнь предстала вдругъ передъ нимъ въ бурномъ потокѣ воспоминаній. Онъ устремилъ еще разъ взглядъ на эту обнаженную женщину блестящей перламутровой бѣлизны, съ заложенными за голову руками, съ пышными, выпуклыми грудями и обращеннымъ на него взоромъ, какъ будто она видѣла въ немъ стараго знакомаго. И онъ повторялъ мысленно, съ выраженіемъ горькаго разочарованія:

— Обнаженная Гойи!.. Обнаженная!

II

Когда Маріано Реновалесь вспоминаль первые годы своей жизни, въ его памяти, особенно легко удерживавшей внѣшнія впечатлѣнія, явственнѣ всего звучали непрерывные удары молота по наковальнѣ. Съ ранней зари до того времени, какъ земля начинала окутываться полумракомъ сумерекъ, желѣзо пѣло и стонало отъ пытки на наковальнѣ; отъ ударовъ дрожали и стѣны дома, и полъ комнатки въ верхнемъ этажѣ, гдѣ Маріано игралъ у ногъ блѣдной, болѣзненной женщины съ глубокимъ и серьезнымъ взглядомъ; она часто оставляла шитье, чтобы поцѣловать своего малыша съ неожиданною порывистостью, словно боялась, что не увидить его больше.

Непрерывные удары молота, подъ звуки которыхъ состоялось появленіе Маріано на свѣтъ, будили его съ первыми лучами солнца; онъ соскакивалъ съ кровати и спускался въ кузницу грѣться у раскаленной печи. Отецъ его, волосатый и добродушный циклопъ, весь почернѣвшій отъ сажи, поворачивалъ желѣзо въ печи, работалъ напильникомъ и отдавалъ, среди оглушительнаго шума, зычнымъ голосомъ приказанія своимъ подручнымъ. Двое дюжихъ парней съ открытою грудью, ковали желѣзо, сильно взмахивая руками и пыхтя; то красное, то огненно-желтое, оно извергало при каждомъ ударѣ молота потоки блестящихъ искръ, которыя съ трескомъ разсыпались въ видѣ яркихъ букетовъ, населяя мрачную атмосферу кузницы роємъ огненныхъ мухъ, и замирали черныя и потухшія, въ полныхъ сажи углахъ.

– Тихонько, малышъ, – говорилъ отецъ, опуская свою крупную руку на нѣжную головку ребенка съ тонкими кудрявыми волосами.

Блескъ раскаленнаго желѣза привлекалъ ребенка настолько сильно, что онъ пробовалъ иногда завладѣть искорками, сверкавшими на землѣ, словно упавшія звѣзды.

Отецъ гналъ его изъ кузницы на улицу. Передъ почернѣвшею отъ сажи дверью разстилались на склонѣ горы залитыя солнцемъ поля, раздѣленные межами и каменными оградами на правильныя геометрическія фигуры. Внизу въ долинѣ виднѣлись группы тополей на берегахъ извилистой, хрустальной рѣки, а вдали высились горы, поросшія до верху темными соснами. Кузница находилась неподалеку отъ маленькаго городка; оттуда и изъ окрестныхъ деревень поступали въ нее заказы на новыя оси для телѣгъ или плуги, косы, лопаты и вилы для починки.

Постоянные удары молота побуждали ребенка къ лихорадочной дѣятельности и отрывали его отъ дѣтскихъ игръ. Въ возрастѣ восьми лѣтъ онъ хватался иногда за веревку мѣховъ и тянулъ ее, восторгаясь снопомъ искръ, которыя вырывались изъ угля, подъ сильною струею воздуха. Добрый циклопъ обожалъ сына, который былъ крѣпокъ и силенъ, какъ всѣ въ его семьѣ; кулаки мальчика внушали даже въ этомъ возрастѣ сильное уваженіе окрестнымъ ребятишкамъ. Маріано былъ сыномъ своего отца; отъ бѣдной матери, слабой и болѣзненной, онъ унаслѣдовалъ только склонность къ уединенному размышленію. Цѣлыми часами просиживалъ онъ иногда, когда затихала въ немъ жажда кипучей дѣятельности, и молча любовался полями, небомъ и ручьями, которые стекали съ горъ по камушкамъ и впадали въ рѣку въ глубинѣ долины.

Мальчикъ ненавидѣлъ школу и чувствовалъ къ ученію искреннее отвращеніе. Его сильныя руки дрожали въ нерѣшимости, когда онъ брался за перо. За то отецъ и всѣ окружающіе восторгались легкостью, съ которою онъ воспроизводилъ все, что видѣлъ, въ простыхъ и наивныхъ рисункахъ, не упуская ни малѣйшей подробности. Карманы его были всегда полны угля, и онъ не проходилъ мимо стѣны или любого свѣтлаго камня безъ того, чтобы не нарисовать на нихъ сейчасъ же предметы, поражающіе его глазъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Наружныя стѣны кузницы были совсѣмъ черныя стѣны рисунковъ маленькаго Маріано. Длинною вереницею тянулись на нихъ съ хвостиками закорючкою и задранными кверху мордами свиньи Святого Антонія, которыя содержались въ маленькомъ городкѣ на общественный счетъ и разыгрывались жителями въ лотерею въ день этого святого. А посреди этой пузатой процессіи выгляды-

валь профиль кузнеца и его подручныхъ съ надписью подь каждымъ изъ нихъ, чтобы ни у кого не могло быть сомнѣній относительно оригинала.

– Поди-ка сюда, жена, – кричалъ кузнецъ своей болѣзненной подругѣ жизни при видѣ новаго рисунка. – Поди, посмотри, что сдѣлалъ нашъ сынъ. Экій бѣсенокъ!..

Восторженное отношеніе къ таланту сына заставляло кузнеца смотрѣть сквозь пальцы на то, что мальчикъ исчезалъ изъ школы и кузницы и бѣгалъ цѣлыми днями по долинѣ или городку съ углемъ въ рукѣ, покрывая черными рисунками окрестныя скалы и стѣны домовъ къ великому отчаянію хозяекъ. На стѣнахъ таверны, на Главной площади города Маріано начертить головы всѣхъ наиболѣе усердныхъ посѣтителей ея, и трактирщикъ съ гордостью показывалъ ихъ публикѣ, не позволяя никому дотрагиваться до нихъ изъ боязни, что онѣ сотрутся. Это произведеніе искусства льстило тщеславію кузнеца, когда онъ заходилъ по воскресеньямъ послѣ обѣдни въ таверну выпить со старыми пріятелями стаканъ вина. А на домѣ священника Маріано нарисовалъ Пресвятую Дѣву, передъ которой останавливались, глубоко вздыхая, всѣ старыя ханжи.

Кузнецъ краснѣлъ отъ удовольствія, выслушивая похвалы мальчику, какъ-будто онѣ относились къ нему самому. Откуда явился этотъ геній въ такой некультурной семьѣ? Кузнецъ утвердительно качалъ головою, когда важные люди въ городѣ совѣтовали ему сдѣлать что-нибудь для сына. Само собою разумѣется! Онъ не знаетъ, что именно слѣдуетъ сдѣлать, но признаетъ, что они правы; маленькому Маріано не пристойно ковать желѣзо, какъ отцу. Онъ можетъ сдѣлаться такою же важною персоною, какъ донъ Рафаэль, который писалъ святыхъ въ главномъ городѣ провинціи и училъ художниковъ въ огромномъ домѣ, полномъ картинъ, тамъ въ городѣ, а по лѣтамъ пріѣзжалъ съ семьей на свою виллу внизу въ долинѣ.

Этотъ донъ Рафаэль внушалъ всѣмъ уваженіе своимъ серьезнымъ видомъ; это былъ святой человѣкъ, обремененный кучей дѣтей; онъ носилъ сюртукъ, словно священническую рясу, и говорилъ слащаво, какъ монахъ, хотя это вовсе не шло къ его худому, розовому лицу, обрамленному сѣдою бородою. Въ мѣстной церкви хранился писанный имъ образъ Пречистой Богоматери, нѣжные, блестящіе тона котораго вызывали у набожныхъ людей дрожь въ ногахъ. Кромѣ того глаза этой Богоматери обладали чудеснымъ свойствомъ глядѣть прямо на того, кто смотрѣлъ на нее, и даже слѣдили за нимъ взоромъ, куда бы онъ ни отходилъ. Это было истинное чудо. Не вѣрилось даже, чтобы каргина была создана славнымъ, скромнымъ господиномъ, который поднимался лѣтомъ каждое утро въ городокъ къ обѣднѣ. Какой-то англичанинъ хотѣлъ купить ее, предлагая цѣну на вѣсь золота. Никто не видалъ этого англичанина, но всѣ только презрительно улыбались, рассказывая о его предложеніи. Такъ и продадутъ ему образъ! Пусть бѣсятся отъ злости еретики со своими милліонами! Пречистая Дѣва останется въ мѣстной церкви на зависть всему міру и преимущественно сосѣднимъ городкамъ.

Когда священникъ явился къ дону Рафаэлю, чтобы рассказать ему о сынѣ кузнеца, великій человѣкъ уже зналъ о способностяхъ ребенка. Онъ видалъ его рисунки въ городкѣ и признавалъ, что мальчикъ, повидимому, довольно талантливъ, и слѣдуетъ безусловно направить его по вѣрному пути. Затѣмъ явились къ нему кузнецъ съ сыномъ; оба смутились, очутившись на чердакѣ виллы, гдѣ донъ Рафаэль устроилъ себѣ мастерскую, и увидя вблизи баночки съ красками, палитру, кисти и полотна съ голубымъ фономъ, на которомъ намѣчались розовыя пухлыя формы херувимовъ и оцухотворенное лицо Божьей Матери.

Когда лѣто кончилось, добрый кузнецъ рѣшилъ послѣдовать совѣтамъ дона Рафаэля. Разъ художникъ такъ добръ, что согласенъ помочь мальчику, то и отецъ сдѣлаетъ со своей стороны все, чтобы не испортить его счастливой судьбы. Кузница давала ему и семьѣ средства къ жизни. Важно было только поработать еще нѣсколько лѣтъ и продержаться до конца жизни у наковальни, безъ помощника и преемника въ трудѣ. Сынъ его былъ рожденъ для важной роли въ мірѣ и стыдно было испортить его жизнь и не принять помощи отъ добраго покровителя.

Мать Маріано дѣлалась все слабѣе и болѣзненнѣе. Она горько заплакала при прощаніи съ сыномъ, какъ-будто главный городъ провинціи находился на краю свѣта.

– Прощай, сынокъ. Не увижу я тебя больше!

И дѣйствительно Маріано не пришлось больше увидѣть безкровнаго лица матери съ большими, лишенными всякаго выраженія глазами. Оно совершенно изгладилось изъ его памяти и обратилось въ бѣлое пятно, на которомъ онъ тщетно пытался возстановить дорогія черты.

Въ городѣ его жизнь измѣнилась радикальнымъ образомъ. Онъ понялъ здѣсь, чего искали его руки, вода углемъ по бѣлымъ стѣнамъ домовъ. Тайны искусства открылись ему въ тихіе вечера, въ старомъ монастырѣ, гдѣ помѣщался провинціальный музей, въ то время, какъ донъ Рафаэль разсуждалъ съ другими господами въ профессорской комнатѣ или подписывалъ въ канцеляріи важныя бумаги.

Маріано жилъ въ домѣ своего покровителя, будучи одновременно его слугою и ученикомъ; онъ носилъ отъ него письма сеньору декану и разнымъ каноникамъ, которые гуляли со своимъ пріятелемъ маэстро или собирались у него въ домѣ. Маріано часто приходилось бывать въ пріемныхъ разныхъ монастырей и передавать черезъ густыя рѣшетки порученія отъ дона Рафаэля бѣлымъ и чернымъ тѣнямъ монахинь; узнавъ, что этотъ милый, свѣжій и привлекательный деревенскій мальчикъ собирается сдѣлаться художникомъ, монахини засыпали его массою вопросовъ подъ вліяніемъ развившагося въ одиночествѣ любопытства, угощали его черезъ турникетъ конфетами, лимономъ въ сахарѣ или иными вкусными вещами изъ монастырскихъ кладовыхъ и снабжали на прощанье здоровыми совѣтами, которые звучали сквозь желѣзныя рѣшетки нѣжно и мягко.

– Будь хорошимъ мальчикомъ, Маріанито. Учись и молись. Будь хорошимъ христіаниномъ. Господь Богъ поможетъ тебѣ, и можетъ-быть ты сдѣлаешься такимъ же чуднымъ художникомъ, какъ донъ Рафаэль. Онъ, вѣдь, одинъ изъ первыхъ въ мірѣ.

Какъ смѣялся въ послѣдствіи Реновалесъ надъ своею дѣтскою наивною, заставлявшею его видѣть въ учителѣ величайшаго художника въ мірѣ! Въ классѣ, въ Академіи Художествъ, онъ возмущался всегда своими товарищами, непочтительными ребятами, выросшими на улицѣ, сыновьями разныхъ ремесленниковъ, которые бомбардировали другъ друга хлѣбомъ для стиранія рисунковъ, какъ только профессоръ повертывался къ нимъ спиной, и ненавидѣли дона Рафаэля, называя его ханжей и іезуитомъ.

Вечера Маріано проводилъ въ мастерской со своимъ учителемъ. Какъ волновался онъ, когда художникъ впервые далъ ему въ руки палитру и позволилъ писать на старомъ полотнѣ копію съ образа младенца Святого Іоанна недавно оконченнаго имъ для одной городской церкви!.. Нахмурившись отъ сильнаго напряженія, мальчикъ дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы скопировать произведеніе маэстро и слушалъ въ тоже время добрые совѣты которые тотъ давалъ ему, не отрывая глазъ отъ полотна и быстро водя своею ангельскою кистью.

По словамъ дона Рафаэля, живопись должна была носить непремѣнно религіозный характеръ. Первыя картины въ мірѣ возникли подъ вліяніемъ религіи; внѣ ея жизнь отличалась лишь гадкимъ матеріализмомъ и отвратительною грѣховностью. Живопись должна была стремиться къ идеалу, къ красотѣ, создавать всегда чудные образы, воспроизводить вещи въ такомъ видѣ, какъ онѣ должны быть, а не какъ онѣ есть въ дѣйствительности, а главное стремиться вверхъ, къ небу, потому что истинная жизнь тамъ, а не здѣсь на землѣ, полной горя и слезъ. Маріано долженъ былъ перевоспитать себя, совѣтовалъ старый учитель, и искоренить въ себѣ склонность къ рисованію грубыхъ вещей, какъ напримѣръ людей такими, какъ они есть, животныхъ во всемъ ихъ грубомъ реализмѣ и пейзажей въ томъ видѣ, какъ они представлялись его глазамъ.

Надо было и самому быть идеальнымъ человѣкомъ. Многіе художники были почти святыми; только при этомъ условіи удавалось имъ изобразить небесную красоту на лицахъ своихъ

мадоннъ. И бѣдный Маріано лѣзь изъ кожи, чтобы сдѣлаться идеальнымъ человѣкомъ, и присвоить себѣ хоть обгрызочекъ тихаго, ангельскаго блаженства, окружавшаго его учителя.

Маріано знакомился постепенно съ пріемами, благодаря которымъ донъ Рафаэль создавалъ свои чудныя произведенія искусства, вызывавшія крики восторга у его пріятелей канониковъ и у богатыхъ дамъ, заказывавшихъ ему образа. Когда старый художникъ собирался приступить къ воспроизведенію на полотнѣ Пречистой Лѣвы, постепенно наводнявшей своими изображеніями церкви и монастыри провинціи, онъ вставалъ рано утромъ и шелъ въ мастерскую, не иначе, какъ предварительно исповѣдавшись и причастившись. Онъ чувствовалъ въ себѣ внутреннюю силу и искренній подъемъ духа, а если посреди работы являлся вдругъ недостатокъ въ нихъ, то онъ снова прибѣгалъ къ обычному источнику вдохновенія.

Художникъ долженъ быть чистъ душою и тѣломъ. Донъ Рафаэль далъ обѣтъ дѣвственности, когда ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ; конечно, это было поздноватое, но запозданіе явилось отнюдь не потому, что онъ не зналъ раньше этого вѣрнаго средства достигнуть полнаго идеала небеснаго художника. Супруга его, преждевременно состарившаяся отъ безчисленныхъ родовъ и подавленная вѣрностью и тяжеловѣсною добродѣтелью мужа, сократила свои супружескія обязанности до того, что лишь молилась съ мужемъ по четкамъ и пѣла съ нимъ гимны Пресвятой Троицѣ по вечерамъ. У нихъ было нѣсколько дочерей, существованіе которыхъ лежало тяжелымъ камнемъ на совѣсти маэстро, какъ напоминаніе о постыдномъ матеріализмѣ. Но однѣ изъ нихъ уже подстриглись въ монахини, а другія собирались послѣдовать примѣру сестеръ, и ореолъ идеализма выступалъ все явственнѣе вокругъ художника по мѣрѣ того, какъ эти свидѣтельницы его грѣховности исчезали изъ дому и скрывались въ монастыряхъ, гдѣ онъ поддерживали художественный престижъ отца.

Иной разъ маэстро оставлялъ работу въ нерѣшимости, когда Пречистая Дѣва выходила одинаковой подрядъ на нѣсколькихъ образахъ. Въ такихъ случаяхъ донъ Рафаэль говорилъ своему ученику таинственнымъ голосомъ:

– Маріано, поди скажи сеньорамъ, чтобы завтра не приходили. Я буду писать съ модели.

Мастерская оставалась въ такіе дни запертою для священниковъ и прочихъ почтенныхъ друзей маэстро. Вмѣсто нихъ тяжелою поступью являлся городской Родригесъ, съ окуркомъ сигары подъ жесткими торчащими усами и съ саблей на боку. Онъ былъ выгнанъ съ жандармской службы за пьянство и жестокость и, оставшись безъ дѣла, обратился, по непонятному наитію въ модель для художниковъ. Набожный донъ Рафаэль, слегка трусившій Родригеса, внялъ его усиленнымъ просьбамъ и устроилъ ему мѣсто въ полиціи. Послѣ этого Родригесъ не пропускалъ ни одного удобнаго случая выразить маэстро свою бульдожью благодарность, похлопывая его своими огромными лапами по плечамъ и дыша ему въ лицо никотиномъ и алкоголемъ.

– Донъ Рафаэль! Вы – мой второй отецъ! Пуеть только попробуетъ кто-нибудь тронуть васъ, и я отрублю ему вотъ это, и то, что еще ниже.

Но мистикъ-маэстро, довольный въ глубинѣ души такимъ покровительствомъ, краснѣлъ и махалъ руками, чтобы уговорить грубое животное.

Родригесъ бросалъ свое кепи на полъ, отдавалъ Маріано тяжелое оружіе и, съ видомъ человѣка, хорошаго знающаго свои обязанности, доставалъ изъ сундука бѣлую шерстяную тунику и голубую тряпку въ видѣ плаща, накидывая обѣ себѣ на плечи ловкими, привычными руками.

Маріано глядѣлъ на него съ изумленіемъ, но безъ малѣйшаго желанія смѣяться. Это были тайны искусства, разоблаченія доступныя лишь такимъ, какъ онъ, которымъ выпадаетъ на долю счастье жить въ непосредственной близости великаго маэстро.

– Готово, Родригесъ? – нетерпѣливо спрашивалъ донъ Рафаэль.

Родригесъ выпрямлялся въ своемъ купальномъ туалетѣ, причемъ голубая тряпка свисала у него съ плечъ, складывалъ руки, какъ для молитвы, и устремлялъ жестокій взоръ въ

потолокъ, не выпуская изо рта окурка, который палилъ ему усы. Маэстро нуждася въ модели лишь для одѣянія Пречистой Дѣвы, т. е. для изученія складокъ небеснаго плаща, подѣ которымъ не должно было обрисовываться рѣшительнаго ничего похожаго на округлости человѣческаго тѣла. Ему никогда не приходило въ голову мысль писать образъ Божьей Матери съ женщины; это значило, по его мнѣнію, вгѣсть въ материализмъ, прославить брѣнное тѣло, призывать искушеніе. Родригесъ вполне удовлетворялъ его; художникъ долженъ всегда оставаться идеалистомъ.

А модель продолжала стоять въ мистической позѣ, подѣ безконечными складками голубого и бѣлаго одѣянія, изъ подѣ котораго виднѣлись тупые носки сапогъ городского; гордо откинувъ назадъ сплюсненную, грубую голову со щетиною на макушкѣ, она кашляла и отплевывалась изъ за дыма сигары, но не сводила глазъ съ потолка и не разъединяла рукъ, сложенныхъ въ молитвенной позѣ.

Иной разъ, утомившись отъ молчанія трудящагося маэстро и его ученика, Родригесъ начиналъ издавать мычаніе, принимавшее постепенно форму словъ и выливавшееся въ концѣ концовъ въ разсказъ о подвигахъ его героической эпохи, когда онъ былъ жандармомъ и «могъ задать здоровую трепку каждому, уплативъ за это потомъ бумаженкою». Пречистая Дѣва оживлялась при этихъ воспоминаніяхъ. Ея огромныя руки разъединялись тогда, почесываясь отъ пріятно-драчливаго зуда, изысканныя складки плаща разстраивались, глаза съ красными жилками переставали глядѣть вверхъ, и она повѣтствовала хриплымъ голосомъ о страшныхъ удачахъ палками, о людяхъ, которыхъ хватали за самыя болѣзненные части тѣла, и которые падали на землю, корчась отъ боли, о разстрѣлѣ арестованныхъ, изображавшихся въ докладахъ бѣглецами; а для приданія пущей выразительности этой автобіографіи, повѣтствуемой съ живоотною гордостью, она пересыпала свой разсказъ междометіями, касавшимися самыхъ интимныхъ частей человѣческаго организма и лишенными всякаго уваженія къ первымъ персонажамъ небеснаго двора.

– Родригесъ, Родригесъ! – въ ужасъ останавливалъ его маэстро.

– Слушаюсь, донъ Рафаэль!

И передвинувъ сигару въ другой уголь рта, Пречистая Дѣва снова складывала руки, потягивалась, причемъ изъ подѣ туники высывались брюки съ краснымъ кантомъ, и устремляла взглядъ кверху, улыбаясь въ восторгъ, точно на потолкѣ были выписаны всѣ ея подвиги, которыми она такъ гордилась.

Маріано приходилъ въ отчаяніе передъ своимъ полотномъ. Онъ былъ совершенно неспособенъ писать что-либо кромѣ видѣннаго, и, изобразивъ бѣлое и голубое одѣяніе, кисть его въ нерѣшимости останавливалась, тщетно призывая на помощь воображеніе, чтобы написать голову. Всѣ его упорныя усилія приводили лишь къ тому, что на полотнѣ появлялась безобразная морда Родригеса.

И ученикъ искренно восхищался ловкостью и умѣніемъ дона Рафаэля, блѣдною головою Богородицы, освѣщенной свѣтлымъ ореоломъ, и дѣтски-красивымъ и невыразительнымъ лицомъ ея, замѣнявшемъ на картинѣ жесткую голову городского.

Эта поддѣлка была въ глазахъ молодого человѣка высшимъ проявленіемъ искусства. Когда-то добьется онъ такой ловкости, какъ маэстро!

Разница между дономъ Рафаэлемъ и его ученикомъ дѣлалась со временемъ все рѣзче. Въ школѣ товарищи окружали Маріано, расхваливая его рисунки и признавая превосходство надъ ними. Нѣкоторые профессора, противники дона Рафаэля, сожалѣли, что такія богатые дарованія могутъ даромъ погибнуть подѣ руководствомъ «богомаза». Донъ Рафаэль съ изумленіемъ глядѣлъ на все, что Маріано писалъ внѣ его мастерской; это были фигуры и пейзажи прямо съ натуры, дышавшіе, по мнѣнію старика, грубою животною жизнью.

Навѣщавшіе дона Рафаэля старые пріятели стали признавать за Маріано нѣкоторыя заслуги.

– Онъ никогда не поднимется до вашей высоты, донъ Рафаэль, – говорили они. – Въ немъ нѣтъ ни благоговѣнія, ни идеализма, онъ никогда не напишетъ хорошаго образа, но, какъ свѣтскій художникъ, онъ пойдетъ далеко.

Маэстро любилъ мальчика за покорность и чистоту нравовъ, но тщетно старался направить его на путь истины. Если-бы Маріано могъ только подражать ему, то счастье его было-бы сдѣлано. Донъ Рафаэль не имѣлъ преемниковъ, и его слава и мастерская перешли-бы къ Маріано. Стоило только поглядѣть, какъ онъ постепенно, точно трудолюбивый муравей, создалъ себѣ кистью недурное состоянiе. Благодаря своему идеализму, онъ пріобрѣлъ виллу на родинѣ Маріано и безконечное множество земельныхъ участковъ, сдаваемыхъ имъ въ аренду; въ мастерскую его часто являлись арендаторы, заводя передъ поэтическими образами нескончаемые толки объ условіяхъ аренды. Церковь была бѣдна изъ за упадка вѣры въ людяхъ и не могла оплачивать труда художниковъ такъ щедро, какъ въ былыя времена, но заказы дѣлались все-таки чаще и чаще, и Пресвятая Дѣва со всей своей чистотою была лишь дѣломъ трехъ дней... Но молодой Реновалесъ печально пожималъ плечами, словно съ него требовали непосильной жертвы.

– Я не могу, маэстро. Я дуракъ и не умѣю придумывать. Я пишу только то, что вижу.

Когда Маріано увидалъ обнаженные тѣла въ натурномъ классѣ, онъ съ яростію набросился на эти занятія, какъ-будто голыя тѣла опьяняли его и кружили ему голову. Донъ Рафаэль пришелъ въ ужасъ, увидя въ углахъ своего дома этюды съ постыднымъ изображеніемъ разныхъ частей человѣческаго тѣла во всей ихъ наготѣ; кромѣ того успѣхи ученика нѣсколько смущали учителя, видѣвшаго въ живописи Маріано силу, которой никогда не было у него самого. Донъ Рафаэль сталъ даже замѣчать перемѣну въ своихъ старыхъ пріятеляхъ. Добрые каноники по прежнему восторгались его образами Божьей Матери, но нѣкоторые изъ нихъ заказывали свои портреты Маріано, расхваливая увѣренность его кисти.

Однажды донъ Рафаэль рѣшительно заговорилъ со своимъ ученикомъ.

– Ты знаешь, Маріанито, что я люблю тебя, какъ родного сына. Но со мною ты только теряешь даромъ время. Я ничему не могу научить тебя. Твое мѣсто не здѣсь. По-моему, тебѣ слѣдуетъ уѣхать въ Мадридъ. Тамъ ты будешь въ своей атмосферѣ.

Матери Маріано не было въ живыхъ; отецъ продолжалъ работать въ кузницѣ и, когда сынъ пріѣхалъ съ нѣсколькими дуросами, вырученными за написанные имъ портреты, отецъ увидѣлъ въ этой суммѣ цѣлое состоянiе. Ему совершенно не вѣрилось, чтобы люди могли платить денги за картинки. Письмо донъ Рафаэля окончательно убѣдило его въ необходимости поѣздки Маріано въ Мадридъ. Если этотъ мудрый сеньоръ совѣтовалъ Маріано ѣхать въ столицу, то, значитъ, такъ и надо было сдѣлать.

– Поѣзжай въ Мадридъ, сынокъ, и постарайся поскорѣе зарабатывать денги. Отецъ твой старъ и не всегда будетъ въ состоянiи помогать тебѣ.

Реновалесъ очутился въ Мадридѣ въ шестнадцать лѣтъ одинъ одишешенекъ, руководясь лишь своею волею, и весь ушелъ въ работу. Каждое утро просиживалъ онъ нѣсколько часовъ въ музеѣ Прадо, копируя головы со всѣхъ картинъ Веласкеса. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто только что прозрѣлъ. Кромѣ того онъ работалъ въ тѣсной мастерской вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, а по вечерамъ писалъ акварели. Выручкою съ продажи этихъ послѣднихъ и изрѣдка копій съ картинъ онъ пополнялъ недостатокъ въ средствахъ къ жизни, такъ какъ отецъ посылалъ ему на прожитіе лишь очень скромную сумму.

Съ искреннею тоскою и сожалѣніемъ вспоминалъ Реновалесъ эти годы истинной нужды: холодныя ночи и жесткую постель, скверные обѣды сомнительнаго состава въ тавернѣ около Королевскаго театра и споры въ уголку кафе подъ враждебными взорами лакеевъ, которые злились на то, что дюжина молодыхъ людей занимаетъ нѣсколько столиковъ, требуя на всю компанію три чашки кофе и много графиновъ воды...

Веселая молодежь легко переносила нужду. И какъ полна была она иллюзія, какъ преисполнена чудныхъ надеждъ! Каждый день приносилъ съ собою какое-нибудь новое открытіе. Реновалесъ носился въ области искусства, словно дикій жеребецъ; передъ нимъ открывались все новые и новые горизонты, и галопъ его вызывалъ шумный скандалъ, который бытъ равносильнъ преждевременной славѣ. Старики говорили про него, что онъ – единственный изъ молодежи, въ которомъ «что-то есть»; товарищи Маріано утверждали, что онъ «художникъ крупной величины» и сравнивали въ своемъ иконоборческомъ пылу его неопытныя произведенія съ творчествомъ художниковъ старой школы, «жалкихъ буржуевъ искусства», считая необходимымъ изливать свое презрѣніе на ихъ лысины и утверждая такимъ образомъ превосходство молодого поколѣнія.

Участіе Реновалеса въ конкурсѣ на стипендію въ Римѣ чуть не вызвало среди его товарищей революціи. Молодежь, обожавшая его и считавшая его своимъ главнымъ главаремъ, заволновалась самымъ угрожающимъ образомъ изъ страха, что «старики» провалятъ ихъ кумира.

И когда, наконецъ, Маріано получилъ стипендію, благодаря своему явному превосходству надъ остальными, въ честь его было дано нѣсколько банкетовъ, въ газетахъ появилось нѣсколько статей, посвященныхъ ему, въ иллюстрированныхъ журналахъ былъ помѣщенъ его портретъ, и даже старый кузнецъ явился въ Мадридъ, чтобы подышать, со слезами волненія, еиміамомъ, который курили его сыну.

Въ Римѣ Реновалеса ожидало тяжелое разочарованіе. Соотечественники встрѣтили его нѣсколько холодно. Молодежь смотрѣла на него, какъ на соперника, надѣясь, что первыя же картины приведутъ къ его паденію; старики, жившіе вдали отъ родины, отнеслись къ нему съ недоброжелательнымъ любопытствомъ. «Такъ этотъ крупный дѣтина – тотъ самый сынъ кузнеца, что такъ нашумѣлъ тамъ среди невѣждъ! Мадридъ не Римъ. Теперь мы посмотримъ, чего стоитъ этотъ геній».

Реновалесъ ничего не написалъ въ первые мѣсяцы своего пребыванія въ Римѣ. Когда его ехидно спрашивали о его картинахъ, онъ лишь пожималъ плечами; онъ пріѣхалъ въ Римъ учиться, а не писать картины; правительство давало ему стипендію на ученіе. И Маріано провель болѣе полугода, рисуя въ лучшихъ музеяхъ, гдѣ онъ изучалъ знаменитыя произведенія искусства съ углемъ въ рукѣ. Коробки съ красками лежали неоткрытыя въ углу его мастерской.

Вскорѣ Римъ вызвалъ въ немъ чувство ненависти изъ-за образа жизни художниковъ въ этомъ великомъ городѣ. Къ чему тутъ стипендія? Люди учились здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Римъ былъ не школою, а рынкомъ. Торговцы картинами основались здѣсь среди крупнаго наплыва художниковъ. Всѣ эти художники – и старики, и начинающая молодежь, знаменитые и неизвѣстные – поддавались денежному искушенію и увлекались комфортомъ и прелестями жизни, работая лишь на продажу и руководясь въ своей работѣ указаніями нѣсколькихъ нѣмецкихъ евреевъ, которые обходили мастерскія, назначая сюжеты и размѣры картинъ для распространенія ихъ въ Европѣ и Америкѣ.

Бывая въ мастерскихъ своихъ товарищей по профессіи, Реновалесъ видѣлъ въ нихъ только жанровыя картинки: это были портреты то разныхъ господъ въ сюртукахъ, то арабовъ въ лохмотьяхъ, то калабрійскихъ крестьянъ. Картины эти были недурны и вполне закончены и писались либо съ манекеновъ, либо съ семействъ *сіосіагі*, которыхъ нанимали каждое утро на площади Испаніи у лѣстницы Троицы; семьи эти неизмѣнно состояли изъ смуглыхъ крестьянокъ съ черными глазами и большими кольцами въ ушахъ, разодѣтыхъ въ зеленыя юбки, черныя корсеты и бѣлыя головные уборы, приколотые къ волосамъ большими булавками, и изъ отцовъ семействъ въ лаптяхъ, шерстяныхъ безрукавкахъ и остроконечныхъ шляпахъ со спиралеобразными лентами надъ бѣлыми, какъ снѣгъ, головами, словно у Вѣчнаго Отца. Художники оцѣнивали ихъ заслуги по количеству тысячъ лиръ, выручаемыхъ съ cadaго за годъ, и отзывались съ уваженіемъ о знаменитыхъ маэстро, получавшихъ отъ парижскихъ и чикагскихъ милліонеровъ цѣлыя состоянія за маленькія картинки, которыхъ, впрочемъ, никто не

видалъ. Этотъ родъ искусства немногимъ отличался отъ художества перваго учителя Маріано, несмотря на то, что здѣсь оно носило свѣтскій характеръ, какъ сказалъ бы донъ Рафаэль. И для этого посылали людей учиться въ Римъ!

Вслѣдствіе того, что соотечественники косились на него за рѣзкій характеръ, откровенную манеру выражаться и прямолинейность, не позволявшую ему брать никакихъ заказовъ отъ торговцевъ картинами, Маріано сталъ искать сближенія съ художниками другихъ странъ и скоро пріобрѣлъ популярность среди молодыхъ космополитовъ, основавшихся въ Римѣ.

Энергія и полнота жизни дѣлали его веселымъ и симпатичнымъ собесѣдникомъ, когда онъ являлся въ мастерскія на улицѣ Бабуино или въ кафе на Корсо, гдѣ собирались дружно нобесѣдовать художники разныхъ національностей.

Въ двадцать лѣтъ Маріано былъ крупнымъ дѣтиной атлетическаго сложенія и достойнымъ потомкомъ человѣка, ковавшего желѣзо съ разсвѣта до поздней ночи въ уголкѣ далекой Испаніи. Одинъ его пріятель, молодой англичанинъ, прочиталъ однажды въ честь его страницу изъ Рескина. «Пластическое искусство носитъ по самому существу своему атлетическій характеръ». Большой человѣкъ, полукалъка можетъ-быть великимъ поэтомъ или знаменитымъ музыкантомъ, но чтобы быть Микель Анжело или Тиціаномъ, надо обладать не только избранною душою, но и крѣпкимъ тѣломъ. Леонардо да Винчи ломалъ руками подковы; скульпторы эпохи Возрожденія обрабатывали своими титаническими руками огромныя глыбы гранита и вдавливали рѣзецъ въ твердую бронзу; великіе художники были часто архитекторами и сдвигали съ мѣста огромныя глыбы... Реновалесъ задумчиво выслушалъ слова великаго англійскаго критика. У него самого была сильная душа въ атлетическомъ тѣлѣ.

Стремленія молодости не увлекали его за предѣлы здороваго опьяненія силою и движеніемъ.

Обиліе моделей въ Римѣ дало ему возможность раздѣть въ своей мастерской одну сіосіага и съ наслажденіемъ нарисовать формы ея обнаженнаго тѣла. Онъ заливался громкимъ смѣхомъ здороваго человѣка, разговаривалъ съ нею такъ же свободно, какъ съ любой женщиною, попадавшей ему ночью на улицѣ, но какъ только сеансъ былъ оконченъ, и модель одѣта... маршъ на улицу! Реновалесъ былъ чистъ, какъ обыкновенно всѣ сильные люди, и обожалъ нагое тѣло только какъ художникъ. Онъ стыдился животнаго прикосновенія и случайныхъ встрѣчъ безъ любви и увлеченія, съ неизбѣжной сдержанностью двухъ существъ, которые не знаютъ и подозрительно разглядываютъ другъ друга. Онъ жаждалъ только ученія, а женщины всегда служатъ помѣхой въ серьезныхъ начинаніяхъ. Избытокъ энергіи уходилъ у него на атлетическія упражненія. Послѣ какой-нибудь особенной продѣлки спортивнаго характера, приводившей его товарищей въ восторгъ, онъ чувствовалъ себя свѣжимъ, бодрымъ и крѣпкимъ, какъ послѣ ванны. Онъ фехтовался съ французскими художниками на виллѣ Медичи, учился боксу съ англичанами и американцами, устраивалъ съ нѣмцами экскурсіи въ лѣсокъ въ окрестностяхъ Рима, о которыхъ говорилось потомъ нѣсколько дней въ кафе на Корсо. Онъ выпивалъ безконечное множество стакановъ за здоровье Kaiser'a, котораго не зналъ и которымъ нимало не интересовался, затягивалъ громовымъ голосомъ традиціонный *Gaudeamus igitur* и въ концѣ концовъ подхватывалъ на руки двухъ натурщицъ, принимавшихъ участіе въ пикникѣ и, поносивъ ихъ по лѣсу, опускалъ на траву, словно перышки. Добрые германцы, изъ которыхъ многіе были близоруки и болѣзненны, восторгались его силою и сравнивали его съ Зигфридомъ и прочими мускулистыми героями своей воинственной мифологіи, вызывая у Реновалеса лишь довольную улыбку.

На масляницѣ, когда испанцы устроили процессію изъ Донъ Кихота, Маріано взялъ на себя роль кабальеро Пентаполина «съ засученными рукавами», и сильная мускулистая рука коренастаго паладина верхомъ на лошади вызвала на Корсо громъ апплодисментовъ и крики восторга. Съ наступленіемъ весеннихъ ночей художники имѣли обыкновеніе ходить процессіей черезъ весь городъ до еврейскаго квартала, ѣсть первые артишоки – римское народное

кушанье, приготовленіемъ котораго особенно славилась одна старая еврейка. Реновалесь шель во главѣ этой *carciofolatta* со знаменемъ въ рукахъ, распѣвая гимны, чередовавшіеся со всевозможными криками животныхъ, а товарищи слѣдовали за нимъ съ дерзкимъ и вызывающимъ видомъ, подъ предводительствомъ такого сильнаго жоака. Съ Маріано нечего было бояться, и товарищи вполне рассчитывали на него. Въ узкомъ, кривомъ переулкѣ за Тибромъ онъ ударилъ разъ на смерть двухъ мѣстныхъ разбойниковъ, отнявъ у нихъ предварительно кинжалы.

Но вскорѣ атлетъ заперся въ академіи и пересталъ спускаться въ городъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней только и было толковъ, что объ этомъ, на собраніяхъ художниковъ. Онъ писалъ картину. Въ Мадридѣ должна была состояться въ скоромъ времени выставка, и Реновалесу хотѣлось написать для нея картину, которая показала бы, что онъ получаетъ стипендію не даромъ. Двери его мастерской были заперты для всѣхъ рѣшительно; Маріано не допускалъ къ себѣ ни совѣтниковъ, ни критиковъ. Картина должна была появиться въ Мадридѣ въ такомъ видѣ, какъ онъ самъ понималъ ее. Товарищи скоро забыли о немъ; Маріано окончилъ свою работу въ одиночествѣ и увезъ ее на родину.

Успѣхъ получился полный. Это былъ первый крупный шагъ на пути къ славѣ. Реновалесь вспоминалъ въ послѣдствіи со стыдомъ и угрызеніями совѣсти о большомъ шумѣ, поднятомъ его огромною картиною Побѣда при Павіи. Публика толпилась передъ нею, забывая объ остальныхъ картинахъ. И ввиду того, что правительство сидѣло въ это время крѣпко, кортесы были закрыты, и на боѣ быковъ ни одинъ матадоръ не былъ серьезно раненъ, газеты, за неимѣніемъ болѣе интереснаго матеріала, стали наперерывъ воспроизводить на своихъ страницахъ картину и портреты Реновалеса маленькіе и большіе, въ профиль и en face, наполняя цѣлые столбцы описаніями и подробностями его жизни въ Римѣ и вспоминая со слезами умиленія о бѣдномъ старикѣ, который ковалъ желѣзо въ далекой деревнѣ, ничего почти не зная о славѣ сына.

Реновалесь сразу перешелъ изъ мрака въ яркій свѣтъ славы. Старики – члены жюри – относились къ нему теперь благодушно, даже съ нѣкоторымъ состраданіемъ. Дикое животное укрощалось въ немъ постепенно. Реновалесь повидалъ свѣтъ и возвращался къ добрымъ старымъ традиціямъ, дѣлаясь художникомъ, какъ всѣ остальные. Въ картинѣ его были мѣста, напоминавшія Веласкеса, отрывки, достойные кисти Гойи, уголки, имѣвшіе что-то общее съ живописью Греко. Всего было здѣсь, только не было прежняго Реновалеса, и эта-то амалыама воспоминаній и ставилась ему главнымъ образомъ въ заслугу, вызывала всеобщее одобреніе и завоевала ему первую медаль.

Начало карьеры было превосходно. Одна герцогиня вдова, покровительствовавшая искусству, пожелала, чтобы ей представили Реновалеса; она никогда не покупала ни статуй ни картинъ, но приглашала къ своему столу знаменитыхъ художниковъ и скульпторовъ, находя въ этомъ дешевое удовольствіе и исполняя долгъ знатной дамы, Реновалесь поборолъ въ себѣ нелюдимость, державшую его всегда вдали отъ общества. Почему бы не посмотрѣть ему высшаго свѣта? Чѣмъ онъ хуже другихъ? И онъ сшилъ себѣ первый фракъ. За банкетами герцогини, гдѣ онъ вызывалъ веселый смѣхъ своею манерою разговаривать съ академиками, послѣдовали приглашенія въ другіе салоны; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ былъ центромъ вниманія высшаго свѣта, нѣсколько шокированного его нарушеніемъ салоннаго тона, но довольнаго робостью, которая являлась у него всегда послѣ веселыхъ выходокъ. Молодежь цѣнила его за то, что онъ фехтовался, какъ Святой Георгій; въ ея глазахъ онъ былъ вполне приличнымъ человѣкомъ, несмотря на то, что былъ художникомъ и сыномъ кузнеца. Дамы старались очаровать его любезными улыбками въ надеждѣ, что модный художникъ почтитъ ихъ бесплатнымъ портретомъ, какъ онъ сдѣлалъ уже съ герцогиней.

Въ эту эпоху его жизни, когда онъ надѣвалъ каждый вечеръ фракъ и писалъ только портреты дамъ, которыя жаждали выйти покрасивѣе и серьезно обсуждали съ нимъ, какое надѣть платье для позированія, онъ познакомился со своею будущею женою Хосефиною.

Увидя ее впервые среди болтливых дам с надменною осанкою, Реновалес почувствовал к ней влечение в силу контраста. Робкий вид, скромность и незначительная внешность молодой девушки произвели на него сильное впечатление. Она была маленького роста, лицо было привлекательно лишь свежестью молодости, фигурка – грациозно-хрупка. Подобно Реновалесу, это создание вращалось в высшем обществе только благодаря снисхождению окружающих; она занимала, казалось, чье-то чужое место и съеживалась, словно боясь привлечь на себя внимание. Одета она была всегда в одно и то же несколько поношенное вечернее платье, утратившее свежесть из-за постоянной переделки в погоню за последней модой. Перчатки, цветы, ленты выглядели на ней всегда как-то печально, словно говорили о тяжелой экономии бережливости в домашнем хозяйстве и прочих лишениях, потребовавшихся для приобретения этих вещей. Хосефина была на ты со всеми молодыми девушками, блиставшими в модных салонах, и расхваливала с завистью их новые туалеты; мамаша ее, величественная особа с огромным носом и очками в золотой оправе, была в близких отношениях с самыми знатными дамами. Но несмотря на эти связи, вокруг матери и дочери замечалась какая-то пустота, слегка презрительная любовь, смешанная с изрядною долей сострадания. Они были бедны. Отец был довольно известным дипломатом и не оставил жену по своей смерти никаких средств к жизни кроме вдовьей пенсии. Двое сыновей были за границей атташе при испанском посольстве и с трудом сводили концы с концами при крошечном жаловании и больших расходах, требовавшихся их положением. Мать и дочь жили в Мадрид, цѣпляясь за общество, в котором они родились, и боясь лишиться его, как-будто это было равносильно унижению; день они проводили в маленькой квартирке третьего этажа, меблированной остатками бывшего величия, а по вечерам выезжали в свет, подвергая себя невероятным лишениям ради того, чтобы достойным образом встречаться с теми, которые были прежде равны им.

Некоторые родственники доньи Эмили, мамы Хосефины, оказывали ей помощь, но не деньгами (это никогда), а избытком своей роскоши, чтобы она и дочь могли представлять слабое подобие довольства. Одни посылали им иногда свой экипаж, чтобы прокатиться по аллеям Кастельяна и по парку Ретиро, где они раскланивались с катающимися приятельницами; другие давали им время от времени свою абонементную ложу в Королевском театре, в дни неинтересных представлений. Сострадание не позволяло богатым родственникам забывать о матери и дочери и перед семейными обѣдами и другими торжествами. «Не забыть бы бедных Торреалта...» И на следующий день в великосветской хронике отмечались в числе присутствовавших на торжестве «преlestная сеньорита де Торреалта и ее почтенная мать, вдова незабвенного, знаменитого дипломата». Донья Эмили забывала тогда свое положение, воображая, что вернулись опять хорошие времена, и пролежала всюду в своем вечном черном платье, преследуя своею навязчивостью важных дам, горничных которых были богаче и питались лучше, чем она с дочерью. Если какой-нибудь старый господин подсаживался к ней, дипломатическая дама старалась уничтожить его своими величественными воспоминаниями. «Когда мы были посланниками в Стокгольм...» или «Когда мой близкий друг Евгения была императрицей...»

Хосефина же, со своим инстинктом робкой девушки, повидимому, лучше матери понимала свое положение. Она спокойно сидела среди пожилых дам, разрешая себе лишь изредка подходить к молодым девушкам, которые были ее школьными подругами, но относились к ней теперь свысока, видя в бедной Хосефине что-то в роде компаньонки, поднявшейся до их высоты только по положению покойного отца. Мать сердилась на нее за робость, требуя, чтобы она много танцевала, держала себя бойко и оживленно и отпускала шутки, хотя бы даже несколько смеясь, чтобы мужчины повторяли их и создали ей репутацию остроумной барышни.

Трудно вѣрилось даже, чтобы она могла быть такимъ ничтожествомъ. И это дочь великаго человѣка, вокругъ котораго тѣснились люди, какъ только онъ входилъ въ первые салоны Европы! Это дѣвушка, которая воспитывалась въ Парижѣ въ Sacre Coeur, говорила по-англійски, знала немного по-нѣмецки и проводила цѣлые дни за книгою, когда не надо было передѣлывать старое платье или чистить перчатки! Что она о себѣ думаетъ? Видно, ей замужъ не хочется!.. Должно быть ей живется очень хорошо въ маленькой квартирѣ въ третьемъ этажѣ, гдѣ ихъ знатный родъ влачитъ свое жалкое существованіе?

Хосефина грустно улыбалась. Выйти замужъ! Она была увѣрена, что не найдетъ жениха въ обществѣ, къ которому принадлежала. Всѣ знали, что она бѣдна. Молодежь искала въ салонахъ невѣсть съ приданымъ. Если кто изъ молодыхъ людей и подходилъ къ Хосефинѣ, привлеченный ея блѣдною красотою, то лишь для того, чтобы шепнуть ей на ухо дерзкія слова или попросить въ насмѣшку во время танцевъ ея руки, или предложить ей близкія отношенія съ чисто англійскою осторожностью – напримѣръ, флиртъ, безъ особенно дурныхъ послѣдствій, на который охотно идутъ дѣвушки, желающія и сохранить дѣвственность, и познать тайну физической любви, хотя бы въ извращенномъ видѣ.

Реновалесъ не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, какъ началась его дружба съ Хосефиною. Можетъ-быть, здѣсь сыгралъ роль контрастъ между нимъ и маленькою женщиною, которая еле доходила ему до плеча и выглядѣла пятнадцатилѣтнею дѣвочкою, когда ей минуло уже двадцать лѣтъ. Ея нѣжный голосъ ласкалъ его слухъ; ему было смѣшно подумать, что онъ можетъ обнять это хрупкое и граціозное тѣло; ему казалось даже, что онъ раздавилъ бы его въ своихъ крѣпкихъ объятіяхъ, словно восковую куклу. Маріано искалъ Хосефину всегда въ салонахъ, гдѣ появлялись мать съ дочерью, и проводилъ цѣлые вечера подлѣ молодой дѣвушки, охваченный чувствомъ братскаго довѣрія и желаніемъ сообщить ей всю свою жизнь, свое прошлое, свои надежды и труды, словно она была товарищемъ по профессіи. Хосефина слушала, глядя на него своими сѣрыми, слегка улыбающимися глазами и утвердительно качая головою, хотя она не понимала всего, что онъ говорилъ; живой и открытый характеръ Маріано разливался, казалось, въ огненныхъ волнахъ и пріятно ласкалъ ее. Реновалесъ не походилъ на тѣхъ людей, которыхъ она знала до сихъ поръ.

Замѣтивъ ихъ дружескія отношенія, кто-то – можетъ-быть, подруга Хосефины – пустилъ ради насмѣшки слухъ, что художникъ – женихъ Хосефины Торреалта. Тогда только оба они поняли, что молча любятъ другъ друга. Не братская дружба побуждала Реновалеса проходить по той улицѣ, гдѣ жила Хосефина, и глядѣть вверхъ въ надеждѣ увидѣть у окна ея стройную фигурку. Однажды въ домѣ герцогини, очутившись съ Хосефиною наединѣ въ корридорѣ, Реновалесъ схватилъ ее за руку и такъ робко поднесъ руку къ губамъ, что онѣ еле прикоснулись къ перчаткѣ. Онъ самъ испугался этой дерзости, стыдяся своей силы и боясь причинить боль такому нѣжному и слабому созданію. Хосефина могла свободно положить конецъ этой дерзости самымъ слабымъ движеніемъ, но вмѣсто этого не только не отняла руки, а опустила голову и расплакалась.

– Какой вы добрый, Маріано!

Она чувствовала къ нему глубокую благодарность, встрѣтивъ впервые искреннюю, хорошую любовь, и притомъ со стороны человѣка, который пользовался извѣстною славою и, избѣгая общества счастливыхъ женщинъ, обратился къ ней, робкой и всѣми забытой. Чувство любви, не находившее исхода во время одинокой и угнетенной жизни, накопило въ ея душѣ и излилось на Реновалеса. О, какою горячею взаимностью отвѣчала она тому, кто любилъ ее и вывелъ изъ тяжелаго состоянія прозябанія, поднявъ, благодаря своей силѣ и любви, до уровня презиравшихъ ее людей!

Знатная вдова де Торреалта возмутилась сперва, узнавъ о сдѣланномъ ея дочери предложеніи. «Сынъ кузнеца! Знаменитый дипломатъ незабвенной памяти!..» Но гордый протестъ какъ бы открылъ ей глаза на истинное положеніе вещей, и она вспомнила, сколько лѣтъ тщетно

вывозила дочь въ свѣтъ. Дураки мужчины! Она подумала также о томъ, что знаменитый художникъ – важная персона, вспомнила про статьи, посвященныя послѣдней картинѣ Реновалеса, а главное, что было особенно убѣдительно для нея, приняла къ свѣдѣнію богатства, сыпавшіяся на художниковъ за границую, и сотни тысячъ франковъ, уплачиваемые за картинку, которую можно было унести подъ мышкой. Почему не могъ Реновалесъ попасть въ число этихъ счастливицевъ?..

Донья Эмилиа начала приставать ко всѣмъ своимъ безчисленнымъ родственникамъ. У дѣвочки не было отца, и они должны были замѣнить его теперь. Одни отвѣчали ей равнодушно. «Художникъ! Гм... Ну, что же?» давая ей понять, что такой мужъ былъ ничѣмъ не лучше таможенного досмотрщика. Другіе невольно оскорбляли ее своимъ плотнѣйшимъ одобреніемъ. «Реновалесъ? Художникъ съ великимъ будущимъ? Чего же тебѣ еще? Ты должна радоваться, что онъ обратилъ вниманіе на твою дочь». Но убѣдительнѣ всего былъ для доньи Эмилиа совѣтъ ея знатнаго родственника маркиза де Тарфе, котораго она уважала, какъ перваго человѣка въ государствѣ, несомнѣнно за то, что онъ былъ вѣчнымъ начальникомъ испанскихъ дипломатовъ, занимая чуть ли не каждые два года постъ министра иностранныхъ дѣлъ.

– По-моему, это дѣло разумное, – сказалъ великій человѣкъ торопливо, такъ какъ его ждали въ сенатѣ. – Это современный бракъ, а надо жить соотвѣтственно своему времени. Я – консерваторъ, но либеральный, очень либеральный и вполне современный человѣкъ. Я позабочусь о молодыхъ, мнѣ нравится этотъ бракъ. Искусство соединяетъ свою славу съ великимъ историческимъ именемъ! Народная кровь поднимается, благодаря своимъ заслугамъ, до сліянія со старинною знатью.

Маркизь де Тарфе, титулъ котораго не насчитывалъ и полувѣка, положилъ своею образною рѣчью сенатскаго оратора и обѣщаніемъ позаботиться о молодыхъ конецъ колебаніямъ надменной вдовы. Она первая заговорила съ Реновалесомъ, понимая, насколько тяжело ему объясненіе съ матерью невѣсты, принадлежавшей не къ его кругу.

– Я все знаю, Маріано, и согласна на этотъ бракъ.

При этомъ донья Эмилиа предпочитала, чтобы свадьба состоялась поскорѣе. Когда онъ думаетъ вѣнчаться? Реновалесъ жаждалъ этого брака гораздо болѣе, чѣмъ мать. Хосефина была непохожа, по его мнѣнію, на остальныхъ женщинъ, которыя почти не возбуждали въ немъ животнаго чувства. Цѣломудріе упornaго труженика перешло въ лихорадочное возбужденіе и въ жажду поскорѣе обладать этою очаровательною куклою. Кромѣ того этотъ бракъ льстилъ его самолюбію. Невѣста была бѣдна, и все приданое ея состояло изъ нѣсколькихъ тряпокъ, но она принадлежала къ роду грандовъ, изъ которыхъ одни были министрами, другіе генералами и всѣ были титулованными особами. Немало тоннъ вѣсили короны и гербы безчисленныхъ родственниковъ, которые не обращали большого вниманія на Хосефину и ея мать, но должны были въ скоромъ времени стать и его родственниками. Что подумалъ бы сеньоръ Антонъ, куя желѣзо въ своей далекой кузницѣ? Что сказали бы завистливые товарищи въ Римѣ, которые жили обыкновенно внѣ брака съ сіосіага'ми, служившими имъ моделями, и вѣнчались съ ними въ концѣ-концовъ изъ страха передъ кинжаломъ почтеннаго калабрійца, который желалъ во что бы то ни стало дать своему внуку законнаго отца.

Въ газетахъ много писалось про этотъ бракъ, и повторялись съ легкими варіантами слова маркиза де Тарфе: «Искусство соединяется со знатью». Реновалесъ желалъ уѣхать съ Хосефиною сейчасъ же послѣ свадьбы въ Римъ. Онъ сдѣлалъ тамъ всѣ нужныя приготовленія къ новой жизни, вложивъ въ нихъ нѣсколько тысячъ песетъ, полученныхъ отъ правительства за картину и за нѣсколько портретовъ для сената, написанныхъ по заказу будущаго знаменитаго родственника – маркиза де Тарфе.

Одинъ изъ римскихъ пріятелей Реновалеса (милѣйшій Котонеръ) нанялъ для молодыхъ квартиру на улицѣ Маргутта и меблировалъ ее соотвѣтственно указаніямъ художника. Донья Эмилиа оставалась въ Мадридѣ съ однимъ изъ своихъ сыновей, перешедшимъ на службу въ

министерство иностранных дѣлъ. Молодыхъ стѣсняетъ присутствіе даже матери. И донья Эмилиа смахивала кончикомъ перчатки незамѣтную слезинку съ глазъ. Вдобавокъ ей не хотѣлось возвращаться въ страну, гдѣ она играла извѣстную роль; она предпочитала оставаться въ Мадридѣ, гдѣ многіе знали ее.

Свадьба Хосефины была крупнымъ событіемъ. Родня ея собралась въ полномъ составѣ; никто не посмѣлъ не явиться на назойливое приглашеніе знатной вдовы, составившей списокъ родственниковъ до шестого колѣна.

Сеньоръ Антонъ пріѣхалъ въ Мадридъ за два дня до свадьбы, одѣтый въ новое платье – короткіе штаны и мохнатую шляпу съ широкими полями; онъ испуганно глядѣлъ на всѣхъ этихъ людей, смотрѣвшихъ на него съ улыбкою, какъ на любопытный типъ. Въ присутствіи же Хосефины съ матерью онъ стоялъ, дрожа, съ опущенною головою, называя невестку «сеньоритою^а, съ почтительностью стараго крестьянина.

– Нѣтъ, папа, называйте меня дочерью. Говорите мнѣ ты.

Но несмотря на простоту Хосефины и нѣжную благодарсть, которую онъ чувствовалъ къ ней за горячую любовь къ сыну, свѣтившуюся въ ея глазахъ, старикъ не осмѣливался говорить невесткѣ ты и дѣлалъ величайшія усилія, чтобы изгнать этой опасности, разговаривая съ нею всегда въ третьемъ лицѣ.

Донья Эмилиа со своею надменною осанкою и золотыми очками внушала ему еще больше страха. Онъ называлъ ее не иначе, какъ «сеньора маркиза», такъ какъ не могъ повѣрить, по простотѣ душевной, чтобы эта важная дама не была по крайней мѣрѣ маркизою. Вдова была нѣсколько обезоружена такою честью и, продолжая считать его простякомъ, признавала, что онъ довольно симпатичный человѣкъ, и терпѣла его потѣшные короткіе штаны.

Когда же сеньоръ Антонъ, стоя въ дверяхъ часовни во дворцѣ маркиза де Тарфе, гдѣ происходило вѣнчаніе, обвелъ взоромъ всѣхъ нарядныхъ гостей, собравшихся на свадьбу его сына, бѣдный старикъ залился слезами.

– Теперь я могу спокойно умереть. Господи! Теперь я могу умереть.

И онъ повторялъ свое печальное желаніе, не обращая вниманія на смѣхъ лакеевъ, какъ будто счастье послѣ трудовой жизни было для него вѣрнымъ предвѣстникомъ близкой смерти.

Молодые уѣхали въ Римъ сейчасъ же послѣ вѣнчанія. Сеньоръ Антонъ впервые поцѣловалъ свою невестку въ лобъ, оросивъ его слезами, и вернулся въ свою кузницу, повторяя желаніе умереть, какъ будто ему ничего было ждать больше отъ жизни.

Реновалесъ пріѣхалъ съ женою въ Римъ, остановившись по дорогѣ нѣсколько разъ. Но короткія остановки въ городахъ Ривьеры и два-три дня, проведенные въ Пизѣ и во Флоренціи показали имъ, несмотря на пріятныя воспоминанія о первой близости, невыносимо вульгарными въ сравненіи съ жизнью въ прелестной римской квартиркѣ. Здѣсь, у собственнаго очага начался для нихъ настоящій медовый мѣсяцъ, вдали отъ назойливыхъ людей и суеты шумныхъ отелей.

Хосефина, привыкшая къ тайнымъ лишеніямъ и бѣдной жизни въ третьемъ этажѣ, гдѣ онѣ жили съ матерью, словно на бивуакахъ, приберегая весь внѣшний блескъ для улицы, была въ восторгѣ отъ изящной и кокетливой маленькой квартирки на улицѣ Маргутта. Пріятель Маріано, нѣкій Пепе Котонеръ, художникъ, который почти не бралъ въ руки кисти и тратилъ весь свой художественный энтузіазмъ на восхищеніе Реновалесомъ, хорошо исполнилъ данное ему порученіе.

Хосефина дѣтски-радостно захлопала въ ладоши при видѣ спальни; роскошная венеціанская мебель съ инкрустаціями изъ перламутра и чернаго дерева привела ее въ восторгъ. Это была царская роскошь, купленная художникомъ въ разсрочку.

О, первая ночь ихъ пребыванія въ Римѣ! Какъ глубоко врѣзалась она въ памяти Маріано! Растянувшись на монументальной венеціанской кровати, Хосефина наслаждалась отдыхомъ послѣ утомительнаго пути, потягиваясь всѣмъ тѣломъ прежде чѣмъ закрыться тонкою просты-

нею, съ непринужденностью женщины, которой нечего больше скрывать. Розовые пальцы ея маленькихъ, пухлыхъ ножекъ тихонько шевелились, словно призывая Реновалеса.

А онъ стоялъ у ея кровати, нахмурившись, и глядѣлъ на нее съ серьезнымъ видомъ, обу-реваемый однимъ желаніемъ, котораго онъ не рѣшался высказывать.

Ему хотѣлось видѣть ее обнаженною, любоваться ея тѣломъ; онъ еще не зналъ ея послѣ ночей проведенныхъ въ гостиницахъ, гдѣ слышались за перегородками чужіе голоса.

Это была не прихоть влюбленного, а желаніе художника; глаза его жаждали увидѣть ея красоту.

Она противилась, покраснѣвъ и слегка возмущаясь этимъ требованіемъ, которое оскорб-ляло въ ней чувство стыдливости.

– Не будь сумасшедшимъ, Маріанито. Ложись, не говори глупостей.

Но желаніе росло въ немъ, и онъ упорно настаивалъ на своемъ. Она должна была побо-ротъ въ себѣ буржуазные принципы, искусство не признавало такой стыдливости, человѣческая красота была создана для того, чтобы сіять во всемъ своемъ величїи, а отнюдь не скрываться и жить въ презрѣнїи и проклятїи.

Онъ не собирался писать съ Хосефины картину и не смѣлъ даже просить объ этомъ; онъ жаждалъ только видѣть ея обнаженное тѣло и любоваться имъ, безо всякихъ грубыхъ желаній, съ благоговѣйнымъ чувствомъ обожанія.

И его огромныя руки, сдерживаемыя страхомъ сдѣлать ей больно, нѣжно старались разъ-единить ея скрещенныя на груди руки, которыя противились его усиліямъ. Хосефина смѣя-лась: «Сумасшедшій! Оригиналъ! Ты же щекочешь меня... ты же дѣлаешь мнѣ больно». Но въ концѣ концовъ, побѣжденная его упорствомъ и удовлетворенная въ женскомъ самолюбіи этимъ поклоненіемъ ея тѣлу, она уступила и позволила дѣлать съ собою все, какъ ребенокъ, переставъ сопротивляться и издавая лишь тихіе стоны, словно ее подвергали пыткамъ.

Обнаженное тѣло заблестало перламутровою бѣлизною. Хосефина закрыла глаза, какъ-будто желая скрыться отъ стыда. На бѣлой простынѣ выдѣлялись блѣдно-розовыя, гармонич-ныя округлости, опьяняя глаза художника своею красотою.

Лицо Хосефины не преоставляло ничего особеннаго. Но тѣло ея! О, если бы онъ могъ побѣдить когда-нибудь ея предрасудки и написать это чудное тѣло!..

Не открывая попрежнему глазъ, какъ будто это нѣмое обожаніе утомляло ее, маленькая женщина заложила руки за голову и выгнулась туловищемъ, приподнявъ бѣлыя округлости на груди.

Реновалесь опустился у постели на колѣни въ порывѣ восторга, въ пылу художественнаго энтузіазма, цѣлуя роскошное тѣло, но не подъ вліяніемъ животнаго чувства.

– Я обожаю тебя, Хосефина. Ты хороша, какъ Венера. Нѣтъ, не Венера. Она холодна и спокойна, какъ богиня, а ты женщина. Ты похожа... на кого же ты похожа?.. Да, именно такъ. Ты – маленькая Обнаженная Гойи, съ ея нѣжною граціей, миниатюрная, обаятельная. Ты – Обнаженная!

III

Жизнь Реновалеса изменилась. Он был влюблен в жену, боялся, как бы она не почувствовала в чем-нибудь недостатка, и с беспокойством думал о вдове Торреалта, которая могла выразить сожаление по поводу того, что дочь «знаменитого дипломата незабвенной памяти» несчастна, снизойдя до брака с художником; все это заставляло его упорно работать, чтобы поддержать комфорт, которым он окружил Хосефину.

И Реновалес, относившийся прежде с презрением к искусству, как ремеслу, и к живописи за деньги, которую занимались его товарищи по профессии, стал подражать им, но с усердием и горячностью, свойственными ему во всех начинаниях. Этот неутомимый конкурент, скандально понижавший цены на картины, вызвал в некоторых мастерских громкий протест. Он продал свою кисть на год одному из евреев торговцев, вывозивших картины за границу, под условием получения определенной суммы с каждой написанной им картины и полного отказа от своего права работать для других коммерсантов. Реновалес работал с утра до вечера, мня сюжет по требованию того, которого он называл своим антрепренером. «Хватит, сиюсиги, пишите теперь мавров». Затем мавры теряли цену на рынке, и в моду входили мушкетеры, дерущиеся на дуэли, румяные пастушки à la Watteau или дамы в напудренных париках, усаживающиеся в золотую гондолу под звуки гитар. Для большого разнообразия Реновалес писал иногда сцены в церкви с массой вышитых хоругвей и золоченых кадиль или какую-нибудь вакханалию, подражая на память и без моделей очаровательным округлостям и янтарным телам фигур Тициана. Когда каталог был исчерпан, сиюсиги снова входили в моду, и Реновалес начинал сначала. Благодаря необычайной легкости исполнения, ему удавалось писать по две-три картинки в неделю. Антрепренер навещал его часто для подбодрения и следили за ходом его кисти с энтузиазмом человека, который ценит искусство по столько-то за дюйм и за час. Все его разговоры с Реновалесом имели лишь целью поднять в нем бодрость.

Последняя вакханалия, написанная Реновалесом, находилась в нарядном баг в Нью-Йорке. Его процессия в Абруцских горах была куплена для одного из наиболее аристократических домов России. Другая картина, изображавшая танец маркиза, переодетых пастушками, на лугу с фиалками, находилась в руках одного барона, еврейского банкира во Франкфурте... Торговец потирал руки и сообщал обо всем этом Реновалесу с покровительственным видом. Имя художника становилось все известнее, благодаря ему, и он собирался сделать все для создания Реновалесу всемирной репутации. Корреспонденты уже писали ему, прося присылать только произведения сеньора Реновалеса, потому что они пользовались наилучшим сбытом на рынке. Но Мариано отвечал антрепренеру резко, и в этой резкости выливалась вся горечь художника. Все эти картины – одно свинство. Если искусство состоит в такой мазни, лучше уже бить щепень на большой дороге.

Но весь этот протест против унижения кисти исчезал при виде Хосефимы, которая обставляла и украшала маленькую квартирку, обращая ее в прелестное гнездышко, достойное его любви. Она чувствовала себя счастливою в этой очаровательной квартирке, пользуясь роскошным экипажем и полною свободою в отношении своих туалетов и драгоценностей. Супруга Реновалеса не знала недостатка ни в чем решительно; в ее распоряжении находился даже, в качестве советника и верного слуги, добрый Котонер, проводивший ночи в крошечной комнатке дешевого квартала, служившей ему мастерскою, а все остальное время – в квартирке молодых. Хосефина неограниченно распоряжалась деньгами; она никогда не видала столько денег сразу. Когда Реновалес передавал ей пачку полученных от антрепренера кредитных бумажек, она весело кричала: «Ах, деньги, денежки!» и бжала спрятать их, с прелестною улыбкою дѣловой и экономной хозяйки, а на следующий день

вынимала денгии и тратила ихъ съ дѣтскою безсознательностью. Какое великое дѣло живопись! Ея знаменитый отецъ (несмотря на увѣренія мамыши) никогда не зарабатывалъ столько денегъ, переѣзжая отъ одного двора къ другому въ качествѣ представителя своего короля.

Пока Реновалесъ писалъ въ мастерской, Хосефина ѣздила кататься въ своемъ ландо въ Пинчіо, раскланиваясь съ безчисленными посланницами, живущими въ Римѣ, съ нѣкоторыми дамами изъ аристократіи, которыя останавливались проѣздомъ на нѣсколько дней въ великомъ городѣ и были представлены Хосефинѣ въ какойнибудь модной гостиной, и со всею тучею дипломатовъ, жившихъ при двухъ дворахъ – Ватиканѣ и Квириналѣ.

Реновалесъ былъ введенъ женою въ міръ высшаго изящества. Племянница маркиза де Тарфе, вѣчнаго испанскаго министра была принята съ распростертыми объятіями въ высшее римское общество, самое тонное въ Европѣ. Ни одно торжество въ обоихъ испанскихъ посольствахъ не проходило безъ того, чтобы на немъ не фигурировали «знаменитый художникъ Реновалесъ со своею элегантною супругою»; вскорѣ эти приглашенія распространились и на другія посольства. Рѣдкій вечеръ проходилъ безъ выѣзда въ свѣтъ. Въ виду того, что дипломатическихъ центровъ было два – одинъ, группировавшійся вокругъ итальянскаго короля, и другой, преданный Ватикану, пріемы и вечера слѣдовали одинъ за другимъ почти непрерывно въ этомъ особомъ мірѣ, который собирался каждый вечеръ, удовлетворяясь самимъ собою для получения полнаго удовольствія.

Когда Реновалесъ возвращался подъ вечеръ домой, усталый отъ работы, Хосефина ждала его уже полуодѣтая, а знаменитый Котонеръ помогать ему натягивать парадный фракъ.

– А орденъ! – кричала Хосефина, видя мужа во фракѣ. – Господи, какъ это ты забываешь всегда орденъ! Ты же знаешь, что тамъ у всѣхъ есть чтонибудь на груди.

Котонеръ немедленно отправлялся за большимъ крестомъ, который испанское правительство пожаловало Реновалесу за его картину и, надѣвъ на грудь ленту, и воткнувъ въ петлицу фрака блестящую розетку, художникъ уѣзжалъ съ женою изъ дому, чтобы провести вечеръ среди дипломатовъ, знаменитыхъ путешественниковъ и племянниковъ кардиналовъ. Его товарищи по профессіи бѣсились отъ зависти, видя, какъ часто навѣщаютъ Реновалеса въ мастерской испанскіе посланники, консулы и разныя лица, причастныя къ Ватикану. Они отрицали въ немъ художественный талантъ, приписывая это вниманіе важныхъ людей положенію Хосефины, и называли его карьеристомъ и льстецомъ, предполагая, что онъ женился по расчету. Однимъ изъ его наиболѣе усердныхъ посѣтителей былъ отецъ Рековеро, представитель одного монашескаго ордена, игравшаго въ Испаніи большую роль; онъ представлялъ изъ себя что-то въ родѣ посланника въ рясѣ и пользовался большимъ вліяніемъ при папскомъ дворѣ. Когда его не было въ мастерской, Реновалесъ твердо зналъ, что отецъ Рековеро сидитъ у него дома или исполняетъ какоенибудь порученіе Хосефины, которая гордилась своею дружбою съ этимъ вліятельнымъ монахомъ, жизнерадостнымъ и претенціозно-элегантнымъ, несмотря на свой грубый нарядъ. У супруги Реновалеса всегда находились для монаха порученія, такъ какъ подруги засыпали ее изъ Мадрида всевозможными просьбами.

Вдова Торреалта много способствовала этому, рассказывая направо и налево о высокомъ положеніи, которое дочь ея занимала въ Римѣ. Маріанито зарабатывалъ милліоны, по ея словамъ; Хосефина слыла близкимъ другомъ папы, домъ ея былъ полонъ кардиналовъ, а самъ великій отецъ не навѣщалъ ее только по той причинѣ, что бѣдняжка не выходилъ изъ Ватикана. Супругъ художника постоянно приходилось посылать въ Мадридъ какіянибудь четки изъ гробницы Святого Петра или реликвіи, извлеченныя изъ катакомбъ. Онъ то просила отца Рековеро, чтобы онъ похлопоталъ о разрѣшеніи на бракъ, представлявшемъ какіянибудь затрудненія, то интересовалась прошеніями разныхъ набожныхъ дамъ, пріятельницъ ея матери. Большія торжества римской церкви приводили ее въ восторгъ своею театральною пышностью, и она была очень благодарна щедрому монаху за то, что онъ никогда не забывалъ о ней и оставлялъ ей хорошее мѣсто. Хосефина не пропускала ни одного пріема паломниковъ въ соборѣ Святого

Петра съ триумфаньной процессіей, гдѣ папу несли на роскошньхъ носилкахъ подѣ опахалами изъ перьевъ. Иной разъ добрый монахъ сообщалъ ей съ таинственнымъ видомъ, что на слѣдующій день будетъ пѣть Паллестри, знаменитый кастратъ папскаго хора, и испанка вставала на разсвѣтъ, оставляя мужа въ постели, чтобы услышать высокій и нѣжный голосъ папскаго евнуха, безбородое лицо котораго красовалось въ окнахъ магазиновъ среди портретовъ модньхъ балеринъ и теноровъ.

Реновалесъ добродушно смѣялся надъ безчисленными занятіями и пустыми развлечениями жены. Бѣдняжка! Надо же ей жить весело, на то онъ и работаетъ. Достаточно того, что онъ можетъ выѣзжать съ нею вмѣстѣ только по вечерамъ. Днемъ онъ довѣрялъ ее вѣрному Котонеру, который ходилъ за Хосефиною всюду, какъ пажъ,нося пакеты, когда она выходила за покупками, и исполняя обязанности дворецкаго, а иногда и повара.

Реновалесъ познакомился съ нимъ по пріѣздѣ въ Римъ. Котонеръ былъ его лучшимъ другомъ. Несмотря на то, что Реновалесъ былъ моложе его на десять лѣтъ, Котонеръ относился къ нему съ обожаніемъ, какъ ученикъ къ маэстро, и любилъ его, какъ старшій братъ. Весь Римъ зналъ его, смѣясь надъ его картинами (когда онъ занимался живописью, что, впрочемъ, случалось довольно рѣдко) и цѣня въ немъ искреннюю услужливость, которая извиняла въ нѣкоторой степени его паразитную жизнь. Этотъ полный, лысый человѣчекъ маленькаго роста, съ торчащими ушами, безобразный, какъ веселый и добродушный сатиръ, этотъ сеньоръ Котонеръ всегда находилъ лѣтомъ пріютъ въ замкѣ какого-нибудь кардинала въ окрестностяхъ Рима. Зимой онъ постоянно показывался на Корсо, одѣтый въ зеленоватую крылатку, размахивая широкими рукавами, какъ летучая мышь крыльями. Онъ началъ свою карьеру на родинѣ въ качествѣ пейзажиста, но захотѣлъ писать людей, стать равнымъ знаменитымъ художникамъ, и попалъ неожиданно въ Римъ съ епископомъ изъ родного города, считавшимъ его мѣровымъ талантомъ. Съ тѣхъ поръ онъ не выѣзжалъ ни разу изъ великаго Рима. Успѣхи онъ сдѣлалъ тамъ огромные. Онъ зналъ біографіи и имена всѣхъ художниковъ; никто не могъ сравниться съ нимъ въ отношеніи познаній, какъ можно устроиться въ Римѣ экономно и гдѣ купить вещи дешевле всего. Ни одинъ испанецъ не проѣзжалъ черезъ великій городъ безъ того, чтобы Котонеръ не явился къ нему съ визитомъ. Дѣти знаменитыхъ художниковъ смотрѣли на него, какъ на старую нянюшку, потому что онъ таскалъ ихъ вѣчно на рукахъ. Величайшимъ событіемъ въ его жизни было то, что онъ фигурировалъ въ кавалькадѣ донъ Кихота въ роли Санчо Панса. Котонеръ писалъ только портреты папы римскаго въ трехъ размѣрахъ и ставилъ ихъ въ своей жалкой коморкѣ, служившей ему одновременно спальней и мастерской. Его пріятели кардиналы, которыхъ онъ часто навѣщалъ относились къ бѣдному синьору Котонеру съ состраданіемъ и покупали у него за нѣсколько лиръ портретъ папы, невѣроятно безобразный, даря его какой-нибудь деревенской церкви, гдѣ картина вызвала всеобщій восторгъ, потому что была писана въ Римѣ и притомъ другомъ-пріятелемъ его святѣйшества.

Такая продажа озаряла Котонера радостью; онъ являлся въ этихъ случаяхъ въ мастерскую Реновалеса съ гордымъ видомъ и искусственно скромною улыбкою.

— Я продалъ картину, голубчикъ. Папа... и большой. Въ два метра высотой.

Въ немъ сразу вспыхивала вѣра въ свой талантъ, и онъ начиналъ говорить о своей будущности. Другіе жаждали успѣха на выставкахъ и медалей, но онъ былъ скромнѣе. Онъ довольствовался тѣмъ, что старался угадать, кто будетъ папой ло смерти теперешняго, и писалъ его портреты дюжинами авансомъ. Какой получился бы успѣхъ, если бы онъ выпустилъ свой товаръ на рынкѣ на слѣдующій же день послѣ Конклава. Это дало бы ему цѣлое состояніе! Зная прекрасно всѣхъ кардиналовъ, онъ перебиралъ въ умѣ всю священную коллегію, словно номера въ лоттерей, стараясь заранѣе угадать, на чью долю изъ полдюжины членовъ ея выпадетъ папская тіара.

Котонеръ жилъ, какъ паразитъ, среди важныхъ персонъ церкви, но былъ равнодушенъ къ религіи, какъ будто постоянная близость къ слугамъ ея искоренила въ немъ всю вѣру. Старецъ

въ бѣломъ одѣянїи и остальные господа въ красномъ внушали ему уваженіе, потому что были богаты и служили косвеннымъ образомъ его жалкому портретному ремеслу. Весь его восторгъ выливался на Реновалеса. Онъ сносилъ унизительныя шутки художниковъ съ мирною улыбкою челоуѣка, довольнаго всѣмъ на свѣтѣ, но никому не разрѣшалось дурно отзываться въ его присутствїи о Реновалесѣ или критиковать его талантъ. По мнѣнію Котонера, одинъ только Реновалесъ могъ писать истинные шедевры, и слѣпое обожаніе побуждало его наивно восхищаться маленькими картинками, которыя Реновалесъ писалъ для своего антрепренера.

Хосефина являлась иногда неожиданно въ мастерскую мужа и болтала съ нимъ въ то время, какъ онъ работалъ, или расхваливала картины, сюжетъ которыхъ былъ ей по душѣ. Она предпочитала заставить его въ такихъ случаяхъ одного, рисуящимъ изъ головы или въ лучшемъ случаѣ съ помощью нѣсколькихъ тряпокъ, брошенныхъ на манекенъ. Она чувствовала нѣкоторое отвращеніе къ натурщицамъ, и Реновалесъ тщетно пытался убѣдить ее въ необходимости ихъ для работы. Онъ былъ достаточно талантливъ, по ея мнѣнію, чтобы писать красивыя картины, не прибѣгая къ помощи этихъ простыхъ мужиковъ, и особенно женщинъ – нечесаныхъ бабъ съ огненными глазами и волчьими зубами, которыя внушали Хосефинѣ страхъ въ тихомъ уединенїи мастерской, Реновалесъ смѣялся. Какія глупости! Ревнивая! Неужели могъ онъ думать съ палитрою въ рукѣ о чемъ-нибудь иномъ кромѣ своей работы.

Однажды вечеромъ, войдя неожиданно въ мастерскую, Хосефина увидѣла на эстрадѣ для натурщицъ голую женщину, лежавшую на мѣхахъ; Реновалесъ писалъ желтоватыя округлости ея нагого тѣла. Хосефина сжала губы и сдѣлала видъ, что не замѣтила натурщицы, разсѣянно глядя на Реновалеса, который объяснялъ ей это нововведеніе. Онъ писалъ вакханалїю и не могъ обойтись безъ модели. Это было необходимо, такъ какъ нагое тѣло нельзя писать наизусть. Натурщицѣ, спокойно лежавшей передъ художникомъ, стало стыдно своей наготы въ присутствїи этой нарядной дамы; она закуталась въ мѣха и, скрывшись за ширмою, быстро одѣлась.

Реновалесъ окончательно успокоился по возвращенїи домой, гдѣ жена встрѣтила его, ио обыкновенїю, ласково, словно совершенно забыла недавнюю непрїятность. Онъ посмѣялся со знаменитымъ Котонеромъ, побывавъ съ женой послѣ обѣда въ театрѣ и, ложась поздно вечеромъ спать, не помнилъ совершенно о неожиданной сценѣ въ мастерской. Онъ засыпалъ уже, когда его испугалъ тяжелый, протяжный вздохъ, какъ-будто кто-то задыхался рядомъ съ нимъ.

Реновалесъ зажегъ лампу и увидѣлъ, что Хосефина, вытираетъ льющїяся ручьемъ слезы; грудь ея судорожно вздымалась, и она била по кровати ногами, какъ капризная дѣвчонка, скинувъ на полъ роскошную перину.

– Я не хочу! Я не хочу! – стонала она тономъ протеста.

Художникъ въ тревогѣ соскочилъ съ постели, бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ и не зная, что дѣлать, пробуя отвести ея руки отъ глазъ, но уступая ея нервнымъ движенїямъ, несмотря на свою силу.

– Но что съ тобою? Чего ты хочешь? Что съ тобою?

Она продолжала стонать, ворочаясь въ постели и бѣшено ерзая ногами.

– Оставь меня! Я не желаю тебя... Не трогай меня... Я не допущу этого, нѣтъ, сеньоръ, я не допущу этого. Я уѣду... уѣду жить къ матери.

Испуганный бѣшенымъ настроенїемъ тихой и нѣжной женщины, Реновалесъ не зналъ, что предпринять для ея успокоенїя. Онъ бѣгалъ въ одной рубашкѣ по спальнѣ и сосѣдней уборной, оставляя открытыми свои атлетическіе мускулы, предлагалъ ей воды, хватая въ испугѣ флаконы съ духами, какъ-будто они могли успокоить ее, и въ концѣ концовъ опустился передъ нею на колѣни, пытаясь поцѣловать судорожно сведенныя руки, которыя отталкивали его, путаясь въ бородѣ и волосахъ.

– Оставь меня... Говорю тебѣ, оставь меня. Я вижу, что ты не любишь меня. Я уѣду.

Художникъ былъ испуганъ и изумленъ неожиданною нервностью своей обожаемой куколкы; онъ не рѣшался дотронуться до нея изъ боязни причинить ей боль... Какъ только

взойдет солнце, она уйдет из этого дома навсегда! Муж не любит ее, одна мамаша попрежнему любить ее. Художник пробовал устыдить жену... Эти безсвязные жалобы, без объяснения причины, продолжались очень долго, пока художник не сообразил в чем дело. Так это из-за натурщицы?.. из-за голой женщины? Да, именно. Она не желала, чтобы в мастерской, т. е. почти у нее дома, показывались в неприличном виде безстыжая баба. И протестуя против этих безобразий, она рвала на себя судорожными руками рубашку, обнажая прелестную грудь, которая приводила Реновалеса в восторг.

Несмотря на крики и слезы жены, расшатавшие его нервы, художник не мог удержаться от смеха, узнав причину всего горя.

... – Ах, так это все из-за натурщицы?.. Будь спокойна, голубушка. Ни одна женщина не войдет больше в мою мастерскую. Он общал Хосефин все, чего она требовала, чтобы только успокоить ее. Когда в комнате стало опять темно, она все-таки продолжала вздыхать; но теперь она лежала в объятиях мужа, положив голову ему на грудь и разговаривая капризным тоном огорченной девочки, которая оправдывается после вспышки гнева. Мариано ничего не стоило доставить ей удовольствие.

Она очень любила его и могла бы любить еще сильнее, если бы он уважал ее предразсудки. Он мог называть ее мещанкой, и некультурною душою, но она желала оставаться такою, как была всегда. Кроме того к чему ему писать голых женщин? Разве нет других сюжетов? И Хосефина советовала ему писать детей в безрукавках и лаптях, играющих на дудочке, кудрявых и пухлых, как младенец Иисус, или старых крестьянок с морщинистыми и смуглыми лицами, или лысых старцев с длинною бородою, или жанровые картинки, но отнюдь не молодых женщин или каких-нибудь голых красавиц. Реновалес общал ей все решительно, прижимая к себе очаровательное тело, продолжавшее еще вздрагивать и нервно трепетать после вспышки гнева. Они жались друг к другу с некоею тревогою, желая забыть все случившееся, и ночь окончилась для Реновалеса тихо и приятно под впечатлением полного примирения.

Когда наступило лето, они наняли в Кастель-Гандольфо маленькую виллу. Котоньер уехал в Тиволи в хвост свиты одного кардинала, и молодые поселились на даче в обществе лишь двух прислуг и одного лакея, который убирал мастерскую Реновалеса.

Хосефина была довольна этим одиночеством, вдали от Рима; она разговаривала с мужем, когда ей хотелось, и не тяготилась постоянным беспокойством, не покидавшим ее, пока он работал в мастерской. Реновалес бездельничал и отдыхал целый месяц. Он забыл, казалось, о своем искусстве; ящики с красками, мольберты и все художественные принадлежности, привезенные из Рима, лежали забытые и нераспакованные в сарае.

Он делал по вечерам длинные прогулки с Хосефиной и медленно возвращался ночью домой, обняв ее за талию, любясь полосой матового золота на горизонте и наполняя тишину равнины пением какого-нибудь страстного и нежного неаполитанского романса. В этой одинокой жизни, без друзей и определенных занятий, у Реновалеса вспыхнула горячая любовь к жене, как в первые дни после свадьбы. Но «демон искусства» вскоре взмахнул над художником своими невидимыми крыльями, от которых вяло каким-то непреодолимым обаянием. Он скучал в жаркие дневные часы и звал в своем тростниковом кресле, выкуривая трубку за трубкою и не зная, о чем говорить. Хосефина со своей стороны боролась со скукою, читая английские романы с подавляющею моралью и изображением аристократических нравов. Она полюбила это чтение еще со времен школы.

Реновалес снова принялся за работу. Лакей распаковал все необходимое, и художник взялся за палитру с энтузиазмом новичка. Он писал для себя и по своему вкусу с благоговейным усердием, как будто хотел очиститься от гадкого подчинения требованиям торговца в течение целого года.

Онъ сталъ непосредственно изучать Природу и писать очаровательные пейзажи и загорѣлыя, антипатичныя головы, дышавшія животнымъ эгоизмомъ крестьянина. Но такая работа, повидимому, не удовлетворяла его. Жизнь наединѣ съ Хосефиною возбуждала въ немъ тайное желаніе, котораго онъ не рѣшался высказать вслухъ. По утрамъ, когда жена представлялась его глазамъ почти голая, вся свѣжая и розовая отъ холоднаго обливанія, Реновалесъ пожиралъ ее глазами.

– Ахъ, если бы ты согласилась! Если бы ты бросила свои предрасудки!

Эти возгласы восторга вызывали на губахъ Хосефины улыбку. Это обожаніе льстило ея женскому тщеславію. Реновалесъ жаловался, что ему приходится искать для своей работы красивые сюжеты, когда величайшая и лучшая модель находилась тутъ подлѣ него. Онъ рассказывалъ ей о Рубенсѣ, великомъ маэстро, окружавшемъ Елену Фроманъ царственной роскошью, а та въ свою очередь не стѣснялась обнажать свою чудную мифологическую красоту, чтобы служить мужу моделью. Реновалесъ расхваливалъ фламандскую даму, какъ никогда. Художники составляли особую семью; грубая мораль и предрасудки были для другихъ людей. Они жили, поклоняясь красотѣ и считая естественнымъ то, на что другіе люди смотрѣли, какъ на грѣхъ...

Хосефина пресмѣшно возмущалась желаніями мужа, но позволяла ему любоваться собою. Откровенность съ мужемъ дѣлалась въ ней все сильнѣе и сильнѣе. Вставая по утрамъ, она подолгу оставалась неодѣтою, умышленно растягивая одѣванье, а художникъ вертѣлся вокругъ нея, расхваливая со всѣхъ сторонъ красоту ея тѣла. «Это чистый Рубенсъ... это краски Тиціана... Ну-ка, дѣточка, подними руки... вотъ такъ. Ахъ, ты – Обнаженная, маленькая Обнаженная Гойи!...» А Хосефина давала ему вертѣть себя съ прелестною, довольною минкою, словно наслаждаясь выраженіемъ страстной любви и въ то же время досады на лицѣ мужа, который обладалъ ею, какъ женщиною, но не какъ моделью.

Однажды, когда вѣтеръ разносилъ свое раскаленное дыханіе по римской равнинѣ, Хосефина уступила мольбамъ мужа. Они сидѣли дома полураздѣтые, плотно закрывъ окна въ надеждѣ найти спасеніе отъ ужаснаго сирокко. Хосефинѣ надоѣло слушать жалобы мужа и видѣть его грустное лицо. Разъ онъ сумасшествуетъ и упорно цѣпляется за свою прихоть, она не способна долѣе сопротивляться ему. Пусть пишетъ ея тѣло, но только въ видѣ этюда, а не цѣлую картину. Когда ему надоѣстъ воспроизводить ея тѣло на полотнѣ, онъ уничтожитъ свою работу... и все будетъ шито-крыто.

Художникъ согласился на все, стремясь только встать какъ можно скорѣе съ кистью въ рукѣ передъ очаровательнымъ обнаженнымъ тѣломъ. Три дня онъ работалъ съ безумною лихорадочностью, широко раскрывъ глаза, словно ему хотѣлось поскорѣе и поглубже воспринять гармоничныя формы тѣла. Хосефина, привыкшая уже къ наготѣ, спокойно лежала, забывъ о своемъ положеніи, съ безстыдствомъ женщины, которая колеблется только, пока не сдѣлаетъ перваго шага. Жара утомляла ее, и она безмятежно спала въ то время, какъ мужъ работалъ.

Когда картина была окончена, Хосефина не могла удержаться отъ восхищенія. «Какой ты талантливый! Но неужели я дѣйствительно... такъ красива?» Маріано былъ очень доволенъ. Эта картина была его лучшею работою; дальше онъ не могъ пойти. Можетъ-быть во всю его будущую жизнь у него не явится больше такой поразительно интенсивной дѣятельности ума – того, что называется въ общепитіи вдохновеніемъ. Хосефина продолжала любоваться картиною, такъ же, какъ разглядывала себя иногда по утрамъ въ большомъ зеркалѣ въ спальнѣ. Она расхваливала со спокойною нескромностью отдѣльныя части своего красиваго тѣла, останавливаясь съ особеннымъ вниманіемъ на животѣ съ нѣжными изгибами и на вызывающихъ и крѣпкихъ соскахъ, гордясь этою эмблемою молодости. Ослѣпленная красотой тѣла, она не обращала вниманія на лицо, которое не было вырисовано и терялось въ нѣжной дымкѣ. Когда же взглядъ ея остановился на немъ, она почувствовала нѣкоторое разочарованіе.

– Это не мое лицо. Я совсѣмъ непохожа.

Художникъ улыбался. Да, это не было ея лицо; онъ постарался измѣнить его. Это была лишь маска – необходимая уступка соціальному приличію. Въ такомъ видѣ никто не могъ узнать Хосефину, и его картина, его великое произведеніе могло увидѣть свѣтъ и завоевать восторгъ и восхищеніе всего міра.

– Въдѣ, этого то мы не уничтожимъ, – продолжалъ Реновалесъ съ легкою дрожью въ голосѣ. – Это было бы преступленіемъ. Я никогда въ жизни не напишу ничего подобнаго. Мы не уничтожимъ картины, неправда ли, дѣточка?

Дѣточка долго стояла молча, не сводя глазъ съ картины. Реновалесъ глядѣлъ на нее съ затаенною тревогою; на лицо Хосефины надвигалась мало-по-малу грозовая туча, подобно тому, какъ тѣнь распространяется по бѣлой стѣнѣ. Художнику почудилось, будто онъ проваливается сквозь землю. Буря приближалась. Хосефина поблѣднѣла; двѣ слезы тихонько катились вдоль ея носика, расширившагося отъ волненія; двѣ другія заняли ихъ мѣсто въ глазахъ и тоже выкатились, а за ними полились еще и еще.

– Я не хочу! Я не хочу!

Это былъ прежній хриплый, нервный, деспотичный голосъ, который вызвалъ у него ледяной страхъ и безпокойство въ ту ночь, когда они впервые поссорились въ Римѣ. Маленькая женщина съ ненавистью глядѣла на обнаженное тѣло, отливавшее на полотнѣ ослѣпительными перламутровыми тонами. Она чувствовала себя, казалось, какъ лунатикъ, который просыпается внезапно посреди площади подъ взорами тысячъ любопытныхъ глазъ, жадно впившихся въ его наготу, и не знаетъ, что дѣлать и куда скрыться. Какъ могла она пойти на такое безстыдство?

– Я не желаю, – кричала она въ бѣшенствѣ. – Уничтожь ее, Маріано, уничтожь.

Но Маріано тоже чуть не плакалъ. Уничтожить картину? Можно-ли требовать такую нелѣпость! Лицо было совсѣмъ другое; никто же не могъ узнать Хосефину. Съ какой стати лишала она его шумнаго успѣха?.. Но жена не слушала его. Она бѣшено ворочалась на мѣхахъ и стонала, и корчилась, какъ въ ту памятную ночь, стискивая руки и дрожа, какъ умирающая овца, а изъ губъ ея, искривленныхъ отвратительною гримасою, продолжали вылетать хриплые крики:

– Я не желаю... я не желаю. Уничтожь картину.

Она жаловалась на судьбу, оскорбляя Реновалеса. Она, барышня, подвергалась такому униженію, какъ публичная дѣвка. О, если-бы она знала это впередъ!.. Какъ могла она подумать, что мужъ предложить ей такую гадость!

Оскорбленный низменными упреками, которыми рѣзкій и хриплый голосъ Хосефины осыпалъ его, забрасывая грязью его художественный талантъ, Реновалесъ не подходилъ къ женѣ, предоставляя ей кататься въ бѣшенствѣ по полу, и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, сжавъ кулаки, глядя въ потолокъ и бормоча себѣ подъ носъ испанскія и итальянскія ругательства, которыя были въ ходу у него въ мастерской.

Но вдругъ онъ остановился, застывъ на мѣстѣ отъ испуга и изумленія. Хосефина, въ голомъ видѣ, прыгнула на картину съ ловкостью бѣшеной кошки. Первымъ же ударомъ ногтей она прорѣзала картину сверху до низу, смѣшавъ еще не засохшія краски и сорвавъ корочку въ сухихъ мѣстахъ. Затѣмъ она схватила ножичекъ изъ ящика съ красками и трахъ... Полотно издало протяжный стонъ и раздѣлилось на двѣ части подъ напоромъ бѣлой руки, которая посинѣла, казалось, отъ неудержимой ярости.

Реновалесъ не пошевелился. Возмущеніе вспыхнуло было въ немъ, у него явилось желаніе броситься на жену, но онъ упалъ, подавленный, какъ ребенокъ, желая плакать, убѣжать куда-нибудь въ уголъ и спрятать свою слабую и тяжелую голову. Хосефина продолжала рвать картину, путаясь ногами въ деревянномъ мольбертѣ, отрывая отъ холста куски, бѣгая со своею добычею взадъ и впередъ, какъ взбѣсившееся животное. Художникъ прислонился головою къ стѣнѣ, и изъ атлетической груди его вырывались трусливые стоны. Къ огорченію

художника, лишившагося своей картины, присоединилась горечь разочарованія. Онъ впервые понялъ теперь, чѣмъ будетъ его существованіе. Какъ опрометчиво поступилъ онъ, женившись на барышнѣ, которая видѣла въ его искусствѣ лишь карьеру и средства къ добыванію денегъ и хотѣла заставить его примѣниться къ предразсудкамъ и традиціямъ міра, гдѣ она родилась! Онъ любилъ ее, несмотря на это, и былъ увѣренъ въ томъ, что она любила его не меньше. Но увы! можетъ-быть онъ сдѣлалъ бы лучше, оставшись одинокимъ и свободнымъ для искусства, а, если бы почувствовалъ потребность въ подругѣ жизни, то отыскалъ бы себѣ красивую, простую бабу, покорную, какъ хорошее и породистое животное; такая по крайней мѣрѣ восхищалась бы имъ, какъ маэстро, и слѣпо подчинялась бы его волѣ.

Прошло три дня. Реновалесъ и Хосефина почти не разговаривали между собою, лишь украдкою поглядывая другъ на друга; оба были подавлены домашнею бурею. Но одиночество, въ которомъ они жили, и пребываніе подъ одною крышею заставили ихъ пойти другъ другу навстрѣчу. Хосефина заговорила первая, какъ будто грустное и подавленное настроеніе великана, бродившаго по квартирѣ съ видомъ больного, внушало ей страхъ. Она обняла его, поцѣловала въ лобъ и пустила въ ходъ всевозможныя ласки, чтобы вызвать на его лицѣ слабую улыбку. Кто любитъ его? Его Хосефина, его... обнаженная. Но... наготѣ былъ положенъ теперь конецъ. Онъ долженъ быть забыть свои отвратительныя желанія навсегда. Приличный художникъ не думаетъ о подобныхъ вещахъ. Что сказали бы его многочисленныя друзья? Въ мірѣ столько прекрасныхъ сюжетовъ для картинъ. Они могутъ отлично жить дальше въ мирѣ и любви, если онъ не будетъ дѣлать ей непріятности своею неприличною маніею. Эта страсть къ наготѣ была просто постыднымъ пережиткомъ временъ его богемы.

Побѣжденный ласками жены, Реновалесъ помирился съ нею, постарался забыть о своей картинѣ и улыбнулся съ покорностью раба, который любитъ свои цѣпи, потому что онѣ обезпечиваютъ ему жизнь и покой.

Съ наступленіемъ осени они переѣхали въ Римъ. Реновалесъ снова принялся работать для своего антрепренера, но тотъ выразилъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ недовольство его работою. Не то, чтобы сеньоръ Маріано исписался, это нѣтъ. Но корреспонденты антрепренера жаловались на нѣкоторое однообразіе въ его сюжетахъ. Торговецъ посоветовалъ ему поѣхать путешествовать. Онъ могъ прожить зиму въ Умбріи и писать старыя церкви или крестьянъ на фонѣ суровыхъ пейзажей. А лучше всего сдѣлалъ-бы онъ, если-бы уѣхалъ въ Венецію. Какія великія вещи могъ-бы создать сеньоръ Маріано у венеціанскихъ каналовъ. И такимъ образомъ зародился у художника планъ покинуть Римъ.

Хосефина безпрекословно подчинилась его желанію. Ежедневныя выѣзды и визиты въ безчсленное множество посольствъ начали надоедать ей. Какъ только сгладилося первое пріятное впечатлѣніе, Хосефина замѣтила, что важныя дамы относятся къ ней съ обидною снисходительностью, какъ будто она спустилась чиномъ ниже, выйдя замужъ за художника. Кромѣ того посольская молодежь, атташе всевозможныхъ расъ, блондины и брюнеты – все холостяки, искавшіе развлеченій въ предѣлахъ міра дипломатіи – позволяли себѣ съ нею дерзости во время тура вальса или фигуры котильона, какъ будто считали ее доступною изъ-за ея брака съ художникомъ, который не могъ блистать въ салонахъ парадною формою. Они дѣлали Хосефинѣ циничныя предложенія на англійскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, а она, бѣдная, должна была только сдерживаться вмѣсто отвѣта, улыбаясь и кусая губы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Реновалеса, который не понималъ ни слова на иностранныхъ языкахъ и былъ доволенъ вниманіемъ къ женѣ со стороны свѣтской молодежи, изящнымъ манерамъ которой онъ старался подражать.

Переѣздъ въ Венецію былъ рѣшенъ. Другъ Котонеръ распрощался съ ними. Ему было очень жаль разставаться съ молодою четою, но его мѣсто было въ Римѣ. Папа чувствовалъ себя какъ разъ очень плохо въ эти дни, и, въ надеждѣ на его смерть, Котонеръ готовилъ портреты всѣхъ размѣровъ, стараясь отгадать, кто будетъ преемникомъ больного.

Перебирая впоследствии события своей жизни, Реновалесъ вспоминалъ всегда съ наслажденіемъ и тихою тоскою о времени, прожитомъ въ Венеціи. Это былъ лучший періодъ его жизни. Прелестный городъ на лагунахъ, окутанный золотымъ свѣтомъ среди трепещущихъ водъ, очаровалъ его съ первой же минуты, заставивъ забыть страстную любовь къ человѣческому тѣлу. Восхищеніе наготою улеглось на нѣкоторое время. Онъ влюбился въ старые дворцы, одинокіе каналы, лагуны съ зеленою и неподвижною водою и въ духъ славнаго прошлого, который виталъ, казалось, надъ величественною стариною мертваго, но вѣчно улыбающагося города.

Супруги поселились во дворецъ Фоскарини, огромномъ красномъ домѣ съ подоконниками изъ бѣлаго камня; дворецъ этотъ выходилъ на узенькій водяной переулокъ вблизи Большого канала. Въ прежнія времена тутъ жили торговцы, мореплаватели и военный людъ съ острововъ Востока. Но практичный и непочтительный духъ современности преобразилъ дворецъ въ доходный домъ, раздѣливъ золоченые салоны гадкими, некрасивыми перегородками, устроивъ кухни въ филиграновыхъ аркадахъ роскошнаго двора, наполнивъ сохнувшимъ бѣльемъ мраморныя галереи, которымъ вѣка придали янтарную прозрачность старинной слоновой кости, и замѣнивъ простыми плитками старый испорченный полъ изъ чудной мозаики.

Реновалесъ съ женою заняли квартиру, которая была ближе всѣхъ къ Большому Каналу. Каждое утро Хосефина видѣла съ балкона, какъ подплываетъ за ея мужемъ тихая и быстрая гондола. Гондольеръ, привыкшій возить художниковъ, громко звалъ *signor pittore*, и Реновалесъ спускался внизъ, неся подъ мышкой ящикъ съ акварельными красками. Лодка немедленно уплывала по извилистымъ и узкимъ каналамъ, покачивая вправо и влево своимъ серебрянымъ гребнемъ, словно она обнюхивала путь. Какіе чудные, безмятежно-тихіе часы проводилъ Реновалесъ въ сонныхъ водахъ узкаго канала между двумя высокими дворцами съ нависающими крышами, державшими каналъ въ вѣчномъ мракѣ! Гондольеръ дремалъ, растянувшись на одномъ изъ загнутыхъ кверху концовъ лодки, а Реновалесъ писалъ, сидя, венеціанскія акварели – новый жанръ, который былъ встрѣченъ римскимъ антрепренеромъ съ большимъ восторгомъ. Легкая кисть Реновалеса производила эти картины съ такою быстротою, точно это были механическіе отпечатки. Въ водяномъ лабиринтѣ Венеціи имѣлся одинъ каналъ, который Реновалесъ называлъ своимъ «доходнымъ имѣніемъ» за то, что тотъ приносилъ ему кучу денегъ. Онъ написалъ безчисленное множество картинъ съ мертвыхъ и безмолвныхъ водъ этого канала, слегка оживлявшихся лишь разъ въ день подъ его тихою гондолою. Тутъ были два старыхъ дворца со сломанными жалюзи, съ мрачными дверьми, покрытыми налетомъ вѣковъ, съ лѣстницами, изъѣденными зеленою плѣсенью; въ глубинѣ ярко свѣтился низенькій сводъ, мраморный мостъ, а подъ нимъ жизнь, движеніе, солнце на широкомъ, оживленномъ каналѣ. Заброшенная водяная улочка воскресала вновь каждое утро подъ кистью Реновалеса. Онъ былъ въ состояніи написать ее съ закрытыми глазами, а торговая предприимчивость римскаго еврея распространяла ее по всему міру. Вечера Маріано проводилъ съ женою. Иногда они ѣздили въ гондолѣ на Лидо и, сидя на песчаномъ берегу, любовались сердитыми волнами широкой Адріатики; водное пространство было покрыто до самаго горизонта бурною пѣною, похожею на стадо бѣлоснѣжныхъ барановъ, которые мчатся впередъ въ паническомъ страхѣ.

Въ другіе вечера они ходили гулять на площадь Святого Марка, подъ аркады дворцовъ, окружающихъ площадь съ трехъ сторонъ, а въ глубинѣ ея сверкало подъ послѣдними лучами солнца блѣдное золото базилики, въ стѣнахъ и куполахъ которой кристаллизировалось, казалось, все богатство древней Республики.

Реновалесъ выступалъ подъ руку съ женою спокойною и мѣрною походкою, какъ будто величественная красота мѣста внушала ему великосвѣтскую чопорность. Суровая тишина не нарушалась здѣсь оглушительною суетою большихъ городовъ. Здѣсь не было слышно ни стука колесъ, ни топота лошадей, ни криковъ разносчиковъ. Площадь, вымощенная бѣлымъ мраморомъ, представляла собою огромный салонъ, гдѣ пѣшеходы чувствовали себя, какъ дома въ

гостиной. Венеціанскіе музыканты собирались на серединѣ площади въ треуголкахъ съ черными развѣвающимися перьями. Отъ рева Вагнеровской музыки въ бѣшеномъ полетѣ валкирій содрогались, казалось, мраморныя колонны и оживлялись на карнизѣ собора Святого Марка четыре золоченыхъ лошади, поднявшіяся на дыбы надъ пустымъ пространствомъ.

Венеціанскіе голуби съ темными перьями слегка пугались музыки и разлетались, плавными кругами, покрывая столики кафе. Затѣмъ они снова улетали, и крыши дворцовъ чернѣли отъ нихъ, потомъ опускались, точно покровъ съ металлическими переливами, на толпы англичанокъ въ маленькихъ круглыхъ шляпахъ съ зелеными вуалями, звавшихъ ихъ, чтобы покормить крупую.

Хосефина бросала мужа съ чисто дѣтскою радостью и покупала турикъ зерна, разбрасывая его маленькими ручками въ перчаткахъ. Дѣтищи Святого Марка окружали ее, садились, порхая, словно фантастическія химеры на цвѣты ея шляпы, прыгали ей на плечи, выстраивались на протянутыхъ рукахъ, цѣпляясь въ отчаяніи за ея узкіе бока, стараясь обойти вокругъ талии, а нѣкоторые, наиболѣе дерзкія, какъ бы одержимыя человѣческою испорченностью, царапали ей грудь и поднимали клювъ, пытаясь приласкать черезъ вуаль ея свѣжія полуоткрытыя губки. Хосефина смѣялась, такъ какъ живое, окутавшее ея тѣло облако щекотало ее. Мужъ любовался ею, тоже смѣясь, и кричалъ ей по-испански въ увѣренности, что никто не поймегъ его словъ.

— Но какая ты красавица!.. Я охотно написалъ бы съ тебя картину въ такомъ видѣ!.. Если бы не народъ, я расцѣловалъ бы тебя!..

Въ Венеціи протекло лучшее время ихъ совмѣстной жизни. Хосефина спокойно сидѣла дома въ то время, когда мужъ писалъ съ гондолы уголки города. Она весело прощалась съ мужемъ по утрамъ, и никакія тяжелыя мысли не нарушали ея мира и спокойствія. Вотъ эта была настоящая живопись, а вовсе не работа въ римской мастерской съ глазу на глазъ съ безстыжими бабами, которымъ не было совѣстно валяться голыми на мѣху. Хосефина любила мужа новою пылкою любовью и окружала его непрерывными ласками. Въ это время родилась у нихъ дочь — единственный плодъ ихъ брака.

Когда величественная донья Эмилиа узнала, что сдѣлается бубушкою, она не могла долѣе оставаться въ Мадридѣ. Ея бѣдная Хосефина была одна въ чужомъ городѣ, представленная заботамъ мужа — добраго малаго и, судя по общественному мнѣнію, талантливаго художника, но въ сущности довольно простоватаго человѣка!.. Она явилась въ Венецію на счетъ зятя, и пробыла тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, ругательски ругая городъ, куда дипломатическая карьера мужа никогда не забрасывала ее. Важная дама полагала, что люди могутъ жить только въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть дворъ и посольства. Фу!.. Венеція! Мѣщанское населеніе, которое нравится только разнымъ романистамъ и художникамъ, размалевывающимъ вѣра! Городъ, гдѣ есть только консулы! Донѣ Эмилиі нравился Римъ съ папскимъ и королевскимъ дворомъ. Кромѣ того ее тошнило отъ качки въ гондолѣ, и она жаловалась на постоянный ревматизмъ, который приписывала сырости лагуны.

Реновалесь, дрожавшій за жизнь Хосефины изъ опасенія, что ея слабый и нѣжный организмъ не вынесетъ акта материнства, съ шумною радостью привѣствовалъ малютку и нѣжно поглядѣлъ на мать, голова которой неподвижно покоилась на подушкѣ. Лицо Хосефины было блѣдно, какъ бѣлая наволочка; Реновалесь съ тревогою глядѣлъ на ея блѣдныя черты, измученныя страданіями и постепенно прояснявшіяся отъ отдыха. Бѣдняжка! Какъ она намучилась! Но выйдя на цыпочкахъ изъ спальни, чтобы не наружить тяжелаго сна больной, заснувшей послѣ жестокой двухдневной пытки, Реновалесь отдался своему восторгу передъ маленькимъ кусочкомъ мяса, завернутымъ въ тонкія пеленки, который покоился на крупныхъ и дряблыхъ рукахъ бабушки. О, прелестное созданіе! Онъ любовался маленькимъ краснымъ личикомъ и большою, лысою головкой, ища въ этомъ несформировавшемся существѣ какое-нибудь сход-

ство съ собою. Онъ не зналъ толку въ такихъ вещахъ. Этотъ ребенокъ былъ первымъ, родившимся на его глазахъ. «Мама, на кого она похожа?»

Донья Эмилиа удивлялась его слѣпотѣ. На кого же можетъ-быть похожа дѣвочка? На него, только на него. Она была очень крупна. Донъ Эмилиі рѣдко приходилось видѣть такихъ крупныхъ дѣтей. Ей даже не вѣрилось, что бѣдная Хосефина осталась жива, произведя на свѣтъ такое огромное существо. Нельзя было пожаловаться на болѣзненность дѣвочки; цвѣтомъ лица она походила на деревенскаго ребенка.

– Видно, что она изъ рода Реновалесъ. Она твоя, Маріано, цѣликомъ твоя. Мы принадлежимъ къ другому классу людей.

Не обращая вниманія на слова мамыши, Реновалесъ видѣлъ только, что дочка была похожа на него, и пришелъ въ восторгъ отъ ея крѣпкаго тѣлосложенія, громко и радостно расхваливая здоровье дѣвочки, о которомъ бабушка говорила съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

Тщетно пытался онъ вмѣстѣ съ доньей Эмилией отговорить Хосефину отъ намѣренія самой кормить малютку. Несмотря на слабость, не позволявшую ей встать съ постели, маленькая женщина расплакалась и раскричалась почти такъ же, какъ въ памятную ночь, когда она такъ сильно напугала Реновалеса.

– Я не хочу, – возразила она съ упорствомъ, дѣлавшимъ ее страшною для мужа. – Я не желаю чужого молока для моей дочери. Я сама... мать... выкормлю ее.

Пришлось уступить ей и предоставить ребенку наброситься съ чудовишною жадностью на грудь Хосефины, которая была теперь вздута отъ молока и столько разъ прельщала прежде художника своею дѣвственною прелестью.

Когда Хосефина оправилась немного, мать уѣхала въ Мадридъ, считая своею миссію оконченною. Ей было скучно въ этомъ тихомъ городѣ; по ночамъ ей чудилось, что она умерла, потому что съ улицы не слышно было ни малѣйшаго шума. Эта кладбищенская тишина, лишь изрѣдка нарушаемая криками гондольеровъ, пугала ее. У нея не было знакомыхъ, она не блистала въ свѣтѣ, не играла никакой роли въ этой лужѣ, никто не зналъ ея тутъ. Она постоянно вспоминала своихъ знаменитыхъ подругъ въ Мадридѣ, гдѣ она считала себя важною персоною. Въ душѣ ея глубоко запечатлѣлись скромныя крестины внучки, несмотря на то, что дѣвочку называли ея именемъ. Жалкій кортежъ помѣстился въ двухъ гондолахъ и состоялъ изъ нея самой – крестной матери, изъ крестнаго отца – одного стараго венеціанскаго художника, пріятеля Реновалеса, и еще двухъ художниковъ – француза и испанца. На крестинахъ не присутствовалъ ни патріархъ Венеціи, ни хотя бы епископъ (а она знала столько епископовъ у себя на родинѣ!). Какой-то простой священникъ обратилъ внучку знаменитаго дипломата въ христіанство съ позорною быстротою въ маленькой церкви, въ полумракѣ сумерекъ. Донья Эмилиа уѣхала домой, повторивъ, что Хосефина губитъ себя, что это форменное безуміе кормить ребенка при ея слабомъ здоровьѣ, и было бы гораздо полезнѣе взять примѣръ съ матери, которая поручала всѣхъ своихъ дѣтей мамкамъ.

Хосефина много плакала, разставаясь съ мамашей; Реновалесъ же проводилъ ее съ плохо скрываемою радостью. Счастливаго пути! Онъ съ трудомъ выносилъ старую сеньору, которая считала себя вѣчно обиженною, глядя, какъ зять работаетъ, чтобы окружить жену комфортомъ. Онъ соглашался съ тещею только, когда они вмѣстѣ нѣжно бранили Хосефину за упорное желаніе кормить дѣвочку самой. Бѣдная обнаженная! Обаяніе ея прелестнаго тѣла исчезало въ пышномъ разцвѣтѣ материнства. Ноги, вспухшія во время беременности, утратили свои прежнія линіи, а окрѣпшія и пополнѣвшія груди лишились очаровательнаго сходства съ нераспустившимися бутонами магнолій.

Хосефина выглядѣла теперь здоровѣе и крѣпче, но на самомъ дѣлѣ ея полнота сопровождалась малокровною дряблостью тѣла. Видя, какъ она дурнѣетъ, мужъ любилъ ее все больше съ нѣжнымъ состраданіемъ. Бѣдняжка! Какая она добрая! Жертвуетъ собою ради дочери!..

Когда дѣвочкѣ минулъ годъ, въ жизни Реновалеса произошелъ рѣшительный переворотъ. Желая «окунуться въ истинное искусство» и узнать, что творилось внѣ темницы, гдѣ онъ томился, работая сдѣльно съ картины, онъ оставилъ Хосефину въ Венеціи и сѣзидилъ ненадолго въ Парижъ посмотрѣть знаменитый Салонъ. Изъ Парижа онъ вернулся, совершенно преобразившійся, съ лихорадочною потребностью обновить свой трудъ и передѣлать жизнь заново, что очень удивило и испугало жену. Онъ рѣшилъ навсегда порвать сношенія съ антрепренеромъ, не желая унижаться дольше этимъ фальшивымъ искусствомъ, хотя бы ему пришлось просить милостыню. Много хорошаго творилось въ мірѣ, и онъ чувствовалъ себя достаточно талантливымъ, чтобы быть новаторомъ, слѣдуя примѣру современныхъ художниковъ, произведшихъ на него въ Парижѣ такое глубокое впечатлѣніе.

Онъ ненавидѣлъ теперь старую Италію, куда сѣзжались для ученія художники, посылаемые невѣжественными правительствами.

На дѣлѣ эти художники не учились въ Италіи, а находили тамъ рынокъ съ соблазнительнымъ спросомъ на ихъ трудъ и быстро привыкали къ обилію заказовъ, пріятной жизни и легкому заработку безъ всякой инициативы съ ихъ стороны. Реновалесу хотѣлось переселиться въ Парижъ. Но Хосефина, молча выслушивавшая розовыя мечты Реновалеса, которыя были большею частью непонятны ей, измѣнила этотъ планъ своими совѣтами. Ей тоже хотѣлось уѣхать изъ Венеціи, навѣвавшей на нее зимою тоску непрерывнымъ дождемъ, отъ котораго мосты дѣлались скользкими и мраморныя улочки непроходимыми. Но если они рѣшили уѣхать изъ Венеціи, то почему бы не поселиться въ Мадридѣ? Мамаша была больна и жаловалась въ каждомъ письмѣ, что ей тяжело жить вдали отъ дочери. Хосефина жаждала повидаться съ матерью, предвидя ея скорую смерть. Реновалесъ серьезно обдумалъ желаніе жены; ему тоже хотѣлось вернуться въ Испанію. Онъ стосковался по родинѣ и понималъ, что подниметъ тамъ большой шумъ, проводя въ искусствѣ свои новые идеалы среди общей рутины. Желаніе привести въ ужасъ академиковъ, признавшихъ за нимъ талантъ только за отказъ отъ юношескихъ идеаловъ, сильно искушало его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.